

Профессор (М.Эйве)

Летом 1972 года я уезжал из Советского Союза. Весь мой багаж состоял из очень сильного желания покинуть эту страну, довольно приблизительного представления о мире, лежащем за ее пределами, и ящика с книгами. По тогдашним правилам эмигранту позволялось взять с собой только те книги, которые были изданы после 1945 года; на более ранние требовалось специальное разрешение. Успешно преодолев бюрократические препоны, я получил желанный штемпель Министерства культуры — «Разрешается к вывозу из СССР» на книге, изданной в 1936 году.

Это была шахматная книга. Я не раз пользовался ею для занятий с детьми в ленинградском Дворце пионеров, где тогда работал тренером, и до сих пор считаю «Курс шахматных лекций» Макса Эйве одной из лучших книг по шахматам. Она и сейчас со мной. На обороте титульного листа — название книги на языке оригинала: «Practische schaaklessen», и уже не останавливается взор на двойном голландском «а», столь непривычном для русского языка. Я не мог предполагать тогда, что уже через несколько месяцев после отъезда буду разговаривать с автором книги, встречаться с ним довольно часто и даже сыграю небольшой матч.

Впервые я увидел Эйве в Амстердаме поздней осенью 1972 года, когда он предложил мне принять участие в работе над одной из книг по теории дебютов. Вначале я согласился, но собственная шахматная карьера оттеснила на второй план всё остальное, и от замысла пришлось отказаться.

Штаб-квартира ФИДЕ, как пышно именовались в советской прессе три средних размеров комнаты на Пассердесграхт в центре Амстердама, находилась в нескольких минутах ходьбы от моего дома, и я, гуляючи, иногда заглядывал туда. Эйве был постоянно в разъездах, но случалось, я заставал его там, и порой он просил меня помочь ему с переводом писем, которые он получал из Советского Союза. Письма были похожи друг на друга и почти всегда заключали в себе просьбы: автографа, фотографии, книги. «Вы думаете, что этого будет достаточно?» - спрашивал он обычно, расписываясь на листе бумаги или подписывая фотографию. «Более чем», — отвечал я. «Вы действительно думаете, что этого достаточно?» — сомневался он. В голосе его звучали интонации Александра Македонского, одарившего друга пятьюдесятью талантами, в ответ на уверения последнего, что и десяти было бы достаточно: «Тебе достаточно, а мне недостаточно».

Осенью 1975 года в студии телекомпании «АВРО» в Хилверсуме мы сыграли матч из двух партий; после него была даже издана книга «Матч Эйве — Сосонко», в которой его лучшие партии соседствовали с моими. Надо ли говорить, что для меня это было очень почетное соседство. В книге рассказывалось также о шахматной Голландии, ее надежде - молодом Яне Тиммане. Первоначально планировалось, что соперником Эйве в этом матче и будет Тимман, но буквально за несколько дней до этого у Яна умер отец.

Позднее в детальном исследовании гроссмейстера и психолога Николая Крогиуса, посвященном творчеству Эйве, я прочел: «Эйве охотно шел на образование центральной изолированной пешки в своем лагере и успешно играл эти позиции». Я испытал это на себе в первой партии нашего матча, где чудом сделал ничью. Крогиус оказался прав и в другом:

«Очень выгодно было заготовить какую-либо новинку в дебюте, даже если она при правильном ответе не вела к преимуществу. Как правило, можно было ожидать сильного психологического эффекта неожиданности». Вторая партия полностью подтвердила эту оценку: новое продолжение, которое я применил в славянской защите, вероятно, не было сильнее испыты-вавшегося еще во время его матча с Алехиным, но было видно, что характер борьбы Эйве явно не по душе, и мне удалось выиграть эту партию.

Секретарем ФИДЕ была тогда Инеке Баккер. Вскоре после матча она встретила в Москве с министром спорта СССР Сергеем Павловым. «Он был вне себя от ярости, - вспоминала она. — «Что, Эйве не мог найти другого соперника для матча? Он забывает, что он не просто гроссмейстер, а президент Международной шахматной федерации. Это - вызов, вызов!» - несколько раз повторил он. Разумеется, Эйве и в голову не приходило считаться с политической подоплекой нашего матча, хотя годом раньше именно из-за моего участия на турнир в Вейк-ан-Зее не приехал ни один советский гроссмейстер. Сейчас это кажется невероятным, но тогда власти рассматривали любого эмигранта из СССР как изменника, и его имя должно было бесследно исчезнуть со страниц прессы. В этом, конечно, был силен заряд первобытной магии - заклятье на имя, существовавшее еще в Древнем Риме: *damnatio memorie* - проклятие памяти, когда имя выскребалось из надписей на каменных стелах, сохранявших тексты государственных документов. Это описанное Оруэллом явление было знакомо старшему поколению советских людей, хорошо помнящих, как вымарывались фотографии и выдирались целые страницы в учебниках истории, а в Большой Советской Энциклопедии биографию заменяли географией: Берию — Беринговым проливом. Экземпляр ленинградской спортивной газеты с сообщением, что 1—3-е места в чемпионате Голландии 1973 года поделили Энкалар и Зюйдема, я храню до сих пор.

Уже через полгода после моего матча с Эйве советским функционерам пришлось столкнуться с этой проблемой в значительно более крупном масштабе: летом 1976 года после турнира в Амстердаме Виктор Корчной попросил политическое убежище в Голландии. Нельзя сказать, что это было импульсивным решением. В январе того же года в Гастингсе мы с Корчным едва ли не каждый вечер обсуждали все возможные способы его перехода на Запад.

На открытии турнира он попросил меня помочь в разговоре с Эйве. Суть его сводилась к следующему: у Корчного много проблем в Советском Союзе, его положение там затруднительно, скоро начинаются претендентские матчи, в которых он принимает участие, и что было бы, если бы он...

Эйве понял всё с полуслова. «Разумеется, Виктор. — говорил он. — у вас остаются все права, конечно, мы вам поможем, вы не должны беспокоиться» и т.д. Я переводил бесстрастно, понимая важность происходящего. Неправильно было бы сказать, что этот разговор определил решение Корчного — он уже давно шел к нему. — но в том, что дружелюбный, ободряющий тон Эйве придал ему уверенности, сомнений нет.

Во время разговора я иногда поглядывал на Эйве. Он говорил как человек, к которому обратился за советом и помощью коллега, и всё, что он говорил, было естественной реакцией, первым порывом души, коего так советовал остерегаться молодым дипломатам Талейран. В нем не было ничего от президента одной из самых представительных федераций в мире, от политика, просчитывающего ситуацию на пару ходов вперед. В противном случае он мог бы догадаться, что количество проблем у него лично в связи с этим возможным решением его собеседника возрастет невероятно. Советская федерация, самая влиятельная в ФИДЕ, и так имела зуб на Эйве после матча Фишер — Спасский. Тогда Эйве, порой закрывая глаза на

параграфы устава, сделал всё возможное, чтобы матч состоялся. Выигрыш Фишера явился чувствительным ударом по престижу советской шахматной школы; вдвойне болезненным был факт, что победу одержат американец. Холодная война была тогда в самом разгаре, с Никсоном и Киссинджером в Белом доме и Брежневым в Кремле.

В 1976 году Эйве настоял на соблюдении решения ФИДЕ о проведении Всемирной шахматной Олимпиады в Израиле, с которым у СССР не было в то время дипломатических отношений. Это предопределило бойкот Олимпиады Советским Союзом и почти всеми странами социалистического лагеря. Теперь же уход на Запад одной из сильнейших гроссмейстеров, претендента на мировое первенство выходил далеко за рамки спорта и являлся политическим актом. Позиция Эйве, занятая в вопросе Корчного, стала фактически последней каплей, переполнившей терпение Советов.

Документы из секретных архивов КГБ и ЦК КПСС, ставшие доступными только после распада СССР, показывают, на каком уровне решались вопросы, связанные с шахматами, в стране, где всё было накрепко переплетено с политикой.

В Центральный Комитет

Коммунистической партии Советского Союза. СЕКРЕТНО

Комитет по физической культуре и спорту... полагает необходимым сообщить, что в последние годы вообще сужилась ненормальная обстановка в ФИДЕ. Президент М.Эйве систематически и довольно последовательно игнорирует многие предложения социалистических стран и осуществляет мероприятия, свидетельствующие о его проамериканской и просионистской ориентации, не стесняясь подчас принимать решения, ущемляющие законные интересы советских шахматистов. Особенно это проявилось в период подготовки матчей на звание чемпиона мира между американским гроссмейстером Р.Фишером и советскими шахматистами Б.Спасским и Л.Карповым.

В 1974—1975 г.г., несмотря на возражения шахматных федераций СССР, социалистических стран, а также ряда арабских стран, М.Эйве принял решение провести шахматные олимпиады в Израиле. Ошибочность этого решения в настоящее время очевидна всем (в Израиль собираются приехать только 30—35 делегаций, в то время как на предыдущих олимпиадах были шахматисты более 70 стран из 93, состоящих в ФИДЕ), однако Эйве упорно продолжает заявлять, что и в этом случае он не отменит олимпиады в Израиле.

Свидетельством односторонней ориентации М.Эйве является и его нежелание объективно разобраться в ситуации, сложившейся в связи с изменой Родине гроссмейстера Корчного. С первых же дней, как Корчной остался в Нидерландах, М.Эйве систематически выступает в защиту его прав на участие в матчах претендентов на звание чемпиона мира по шахматам в 1977 году, хотя в конфиденциальной беседе уже обращаешь внимание М.Эйве, что ФИДЕ в соответствии с Уставом не должна вмешиваться в дела национальных федераций.

Неспособность М.Эйве управлять деятельностью ФИДЕ проявляется и при решении многих других вопросов. Видно, сказывается и его преклонный возраст (75 лет).

В связи с этим Спорткомитет СССР полагает целесообразным совместно с другими

социалистическими странами начать закрытые переговоры о подборе кандидатуры на пост президента ФИДЕ (может быть, от Югославии) с тем, чтобы в конце 1976 — начале 1977 года публично выступить с требованием отставки М.Эйве. В соответствии с Уставом ФИДЕ, официальные пере выборы президента должны состояться в 1978 году.

Председатель Комитета

по физической культуре и спорту

при Совете Министров СССР 20 августа 1976 г.

С.П.Павлов

В Центральный Комитет

Коммунистической партии Советского Союза.

СЕКРЕТНО

В течение длительного времени между шахматистами СССР и Голландии поддерживаются контакты и осуществляется обмен спортсменами. Советские шахматисты, в том числе и ведущие гроссмейстеры, ежегодно участвуют в нескольких традиционных международных турнирах в Голландии, а голландские шахматисты приглашаются на турниры в СССР.

Однако в последние годы Шахматный союз Голландии совершает действия, носящие недружественный характер по отношению к СССР, и, в частности, оказывает поддержку шахматистам, эмигрировавшим из СССР и других социалистических стран.

Так, в Голландии обосновался бывший мастер спорта СССР Г. Сосонко, эмигрировавший сначала в Израиль, а затем переехавший на жительство в Голландию. Еще до получения гражданства этой страны Сосонко приглашался к участию в турнирах как ее представитель, а в 1975 году в явно пропагандистских целях был проведен его матч из двух партий с экс-чемпионом мира, президентом ФИДЕ М.Эйве. На турниры в Голландию систематически приглашаются А.Кушнир, эмигрировавшая из СССР в Израиль, бывший чехословацкий шахматист Л.Кавалек, проживающий ныне в США, и другие подобные лица.

Шахматный союз Голландии ныне оказывает покровительство В.Корчному. Голландскими властями Корчному отказано в статусе политического эмигранта (разрешено временное проживание в Голландии по «моральным и гуманным» мотивам), однако Шахматный союз Голландии взялся представлять его интересы в соревнованиях претендентов на первенство мира.

Учитывая, что все эти шаги носят политическую окраску, Спорткомитет СССР полагает целесообразным впредь сократить направление советских шахматистов на турниры в Голландию (кроме официальных чемпионатов), не направлять в эту страну ведущих гроссмейстеров и ограничить приглашения голландских шахматистов в СССР. Просим согласия.

Председатель Комитета

по физической культуре и спорту

при Совете Министров СССР С. П. Патов

15 декабря 1976 г.

Отношения Эйве с Советским Союзом претерпевали различные стадии. До Второй мировой войны он был абсолютно очарован идеей коммунизма - обществом, где всё распределено поровну. Такой точки зрения, впрочем, придерживалась тогда немалая часть интеллигенции Запада, и отголоски этих идей можно найти в репортажах, которые Эйве посылал из СССР в голландские газеты при первом посещении страны в 1934 году (всего он побывал там более двух десятков раз). Очень немногим удавалось не поддаваться тому оптическому обману, маршевому энтузиазму, не дать увлечь себя великолепной декорацией, какой предстал тогда перед иностранцами Советский Союз.

Во время войны Эйве в Амстердаме брал уроки русского языка у знаменитого впоследствии слависта профессора Карела ван хет Реве - это говорит о многом. А на открытии турнира в Гронингене в 46-м году Эйве вместе с дочерьми исполнил песню на русском языке, слова первого куплета которой они помнят до сих пор:

Широка страна моя родная, Много в ней лесов, полей и рек! Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Даже если отрешиться от гётевского утверждения, что политическая песня - скверная песня, понимал ли он до конца ее смысл?

Завороженность Советским Союзом резко пошла на убыль у Эйве после посещения Москвы в 1948 году, и не только разговоры с друзьями довоенных лет Флором и Кересом способствовали этому. Конечно, западному человеку трудно было понять всю глубину несвободы там. Но и внешних признаков этой несвободы было достаточно: встречи с оглядкой и предосторожностями, как было, например, в случае с вдовой Рети, жившей в Москве, постоянный пристальный взгляд органов госбезопасности, общая гнетущая обстановка, в которой оказывался иностранец в те годы в Советском Союзе.

Эйве рассказывал мне, что тогда же, в Москве, он спрашивал у Ботвинника: «А где же X и Y?», которых он помнил еще по довоенной поездке 1934 года. «Они оказались врагами народа», — отвечал тот. «Ну, а Z?» — не отставал Эйве. «Он тоже», — мрачнел Патриарх.

Окончательно переменилось отношение Эйве к СССР после будапештских событий 1956 года. Он был настолько потрясен, что собирался лететь в Москву, в Кремль, чтобы объяснить там, что так поступать нельзя, нельзя...

После того как Эйве вышел на пенсию и возглавил ФИДЕ, он стал ближе к шахматам, чем когда-либо, даже чем в те периоды жизни, когда пытался быть шахматным профессионалом.

Борис Спасский был в 1969 году чемпионом мира. Именно он выдвинул Эйве на пост президента ФИДЕ от советской шахматной федерации и группы ведущих гроссмейстеров: «Конечно, во время моего матча с Фишером Макс потакал немного Фишеру, но ведь и я Фишеру потакал. Эйве был склонен к компромиссам, особенно когда Советы вставляли на дыбы, а такое случалось нередко. Во время переговоров по поводу матча Фишер — Карпов допустил Макс слабину. Вряд ли он должен был тогда дисквалифицировать Фишера, да и с Советами следовало бы ему быть потверже. Мне думается, что он мстил тогда немножко Фишеру, но не лично, а вообще, за всё его поведение. Очень непросто для шахматиста быть

президентом такой большой федерации, возникает масса сложных проблем, но Эйве как президент ФИДЕ был, конечно, на своем месте».

Запад должен был считаться тогда с Советским Союзом как с супердержавой. Положение Эйве было еще сложнее, потому что Советский Союз был не только шахматной супердержавой - он был самой могущественной шахматной страной в мире. Баллотировавшись на пост президента, Эйве, конечно, не мог не отдавать себе отчет в том, что Советы играют в ФИДЕ решающую роль, что ему постоянно придется иметь с ними дело. Советские шахматные функционеры были настоящими гроссмейстерами в интригах, манипуляциях и заговорах; он же видел перед собой одну главную цель: популяризацию самой игры. Нередко, говоря о жизни в СССР, он пробовал спрятаться за шуткой, но в кругу близких Эйве никогда не скрывал негативного отношения к коммунизму. Реалист и прагматик, он должен был всегда быть готов к лавированию, компромиссу, а иногда и к закрыванию глаз. Порой он не понимал советских, иногда был наивен или просто не хотел опускаться до их менталитета, замешенного всегда на густом идеологическом растворе. В 1973 году было очевидно, что участие сильнейших западных гроссмейстеров - Ларсена и Хюбнера в межзональном турнире в Ленинграде было сделано по инициативе Советов, и у Эйве не хватило твердости противостоять им. Этот турнир, который выиграли Корчной и Карпов, был явно сильнее другого — в Петрополисе, и Ларсен с Хюбнером были выведены таким образом из борьбы на первенство мира.

Если согласиться с грустной формулой «честные всегда проигрывают нечестным, потому что они рассматривают нечестных как честных, а нечестные, наоборот, выигрывают, потому что они смотрят на честных как на нечестных», Эйве был заранее обречен на поражение. Но когда доходило до принципиальных вопросов, он твердо стоял на своем.

В 1975 году Макс Эйве увенчал лавровым венком нового чемпиона мира. После того как Роберт Фишер отказался защищать свое звание, им стал Анатолий Карпов. И сейчас, более четверти века спустя, Карпов полагает, что у Эйве просто не было выбора, он следовал букве закона, что Фишер все равно не стал бы играть матч, какие бы уступки ему ни были сделаны. В глазах Карпова Эйве был очень хорошим президентом ФИДЕ, хотя и допустил одну серьезнейшую ошибку: «Нет сомнений, что он действовал тогда из самых лучших побуждений, но последствия этой ошибки ощущаются до сих пор. Эйве хотел распространить шахматы повсеместно, в маленьких странах, странах третьего мира, на всех континентах. Само по себе это было и неплохо, и я, будучи чемпионом мира, его поддерживал в этом, но ни он, ни я не могли предположить, к чему это приведет. Он провозгласил,! девиз: каждой стране своего гроссмейстера, и это привело не только к инфляции гроссмейстерского звания, но и к неуправляемости шахматным миром, то есть к ситуации, которую мы имеем сейчас».

Гарри Каспаров полагает, что Эйве как президент ФИДЕ был в чем-то идеалистом, но все-таки главным образом — прагматиком, хотя в определенный момент, когда надо было поставить заслон советской агрессии, ему не удалось это сделать: «Я понимаю, что Советы были тогда очень сильны, но все-таки сегодня хочется верить, что это было возможно. Хотя бы потому, что в такую детерминированность истории верить совсем не хочется. Как мне кажется, он как президент ФИДЕ не смог, к сожалению, разглядеть те опасности, которые подстерегали ФИДЕ, находившуюся фактически под советским контролем, и подстерегли в конце концов».

Виктор Корчной вспоминает Эйве не только как одного из последних честных президентов ФИДЕ, но и как человека, который много сделал для него после того, как он остался на Западе.

Юрий Авербах не раз встречался с Эйве на различных заседаниях и конгрессах ФИДЕ: «Он

никогда не был раздражен, старался понять другую сторону, всегда искал компромисс. Такая манера поведения резко контрастировала с манерой советских руководителей шахмат, которые склонны были давить, жестко проводя одну, заранее выработанную линию. Конечно, Эйве твердо придерживался мнения, что Фишер должен сыграть матч на звание чемпиона мира, должен получить такой шанс, чего бы это ни стоило. Ради этого Макс, случалось, нарушал правила; на этой почве у него даже возник конфликт с Ботвинником, но, без сомнения, Макс Эйве был лучшим президентом ФИДЕ за всю ее историю!»

Кульминацией шахматной карьеры Эйве стал матч с Алехиным в 1935 году. Если бы он не выиграл этот матч!, его имя приносилось бы сейчас в одном ряду с именами Шпильмана, Рети и Видмара — замечательных игроков предвоенного времени.

До начала поединка никто не сомневался в его исходе: Алехин должен победить. Таким же было общее мнение и в Советском Союзе, где Эйве за год до матча принял участие в турнире мастеров и занял место в середине таблицы. Виктор Батурицкий, впоследствии один из самых влиятельных шахматных функционеров, был тогда молодым комсомольцем, инструктором по спорту. В этом качестве он присутствовал в гостинице «Метрополь» на приеме в честь Эйве. «В самом конце обеда, — вспоминает Батурицкий, — глава советских шахмат Крыленко спросил у Эйве, каковы его шансы в матче с Алехиным. «Откровенно говоря, небольшие, — отвечал Эйве. — Алехин выдающийся шахматист, и победить его, конечно, очень трудно». - «В чем же смысл вашего вызова?» — продолжал Крыленко. «Во-первых, это очень престижно - сыграть матч на звание чемпиона мира, а во-вторых, моя маленькая страна хотела бы иметь своего национального героя», — сказал Эйве».

С настроением, которое лучше всего отражает строка из стихотворения Рильке — «Wer spricht von Siegen? Überstehn ist alles»[9], подошел Эйве к матчу с Алехиным.

Александр Алехин последние двадцать пять лет своей жизни провел в эмиграции, преимущественно во Франции. Но по воспитанию, привычкам и образу жизни он оставался русским. Хотя он говорил и писал по-английски, по-немецки, по-французски, наиболее четко и откровенно его мысли выражены в статьях, написанных на родном языке. Он писал для своих соотечественников, так же как и он оказавшихся за пределами России, и статьи эти, опубликованные в русских газетах, выходивших в 20—30-е годы в Париже, совершенно не знакомы подавляющему большинству читателей. В них он позволял себе значительно большую степень откровенности, чем в немецких, французских или английских публикациях, здесь он был «среди своих».

Так, еще за два года до матча Алехин, характеризуя стиль молодых — Эйве, Флора, Кэждена, Пирца, Штольца, писал в газете «Последние Новости»: «Увы, характерной чертой их является отсутствие оригинальности... Нового в их партиях найти ничего нельзя; они только сумели, в большей или меньшей степени, освоить то абсолютно ценное, что было в идеях и писаниях лучших представителей двух предыдущих поколений, и превратить свои познания в мощное орудие практической борьбы». Здесь же он дает, по меньшей мере, сдержанную оценку шахматным статьям Эйве, которые, «полезные сами по себе, имеют в большинстве случаев лишь характер добросовестных и обстоятельных сводок последних дебютных достижений шахматной теории; общих конструктивных мыслей в них не найти».

Незадолго до начала матча в той же газете Алехин дал развернутую оценку своему будущему сопернику и его перспективам в матче: «Об Эйве мне прииюсь услышать впервые вскоре после моего отъезда из советской России в 1921 году... В его игре, в его молодых успехах было,

несомненно, «что-то», но это «что-то» все же было пока не то... После периода неудач в психологии Эйве как шахматиста-практика произошёл первый — едва ли не самый важный перелом. Он если не явственно осознал, то инстинктивно почувствовал, что сущность его дарования лежит не в нем, а вне его. Иными словами, что ему, в противоположность Ласкеру, Капабланке, Нимцовичу и другим, нельзя и нельзя будет впредь учиться у себя, а понадобится питаться чужими мыслями, чужим опытом, плодами чужих талантов».

И далее: «Главную же положительную черту — строго плановую организацию шахматной борьбы — он сумел в себе претворить, и это обстоятельство ему в дальнейшем значительно помогло... В конце 1925 года во время моего пребывания в Голландии он предлагает мне сыграть с ним в следующем году серию из десяти партий (о слове «матч» в то время не было и речи) — и это состязание в силу обстоятельств оказалось новым поворотным пунктом в его карьере. Случилось это потому, что, во-первых, за этот год окончательно выяснилась возможность моего матча с Капабланкой — следовательно, для Эйве дело пошло уже не о единоборстве с рядовым, хотя бы и первоклассным мастером, но с Weltmeisterschafts-кандидатом... Во-вторых же — и это, конечно, самое главное, — спортивные и качественные результаты наших десяти партий оказались далеко не убедительными: я выиграл три и проиграл две при пяти ничьих. Причины моего успеха было несколько, но главной была, несомненно, легкомысленная, необоснованная недооценка соперника. С этого момента зародилась «королевская идея» у самого Эйве и его поклонников-соотечественников...

Каковы же перспективы исхода нашего матча?..

В вопросе общепсихологическом все козыри у Эйве налицо: 1) всякий кандидат, имеющий какие-либо ощутимые шансы на титул, пользуется спортивным сочувствием значительной части «общественности» и абсолютной симпатией печати, по существу своему всегда чающей чего-то переменного, нового; 2) Эйве — герой маленькой страны, никогда не имевшей (если не ошибаюсь) вообще чемпионов, а тем более мировых.

Этих двух предпосылок вполне достаточно, чтобы Эйве в глазах печати был — выиграет ли он, проиграет ли — «героем» нашего матча.

Теперь несколько слов о втором психологическом факторе — о влиянии личности противника. Здесь, мне думается, у меня определенное преимущество. Я не верю в Эйве, будущего чемпиона мира. Я не думаю, чтобы даже после случайного выигрыша у меня он бы\ бы признан по существу лучшим игроком мира.

Если наше состязание завершится его победой, то это только докажет, что в данный момент я оказался не на вершине моего творчества. Тем хуже для меня. Эйве же, если он станет формальным чемпионом мира, ждёт весьма нелегкая задача, подобная той, которую мне придётся разрешить после выигрыша матча у Капабланки: доказать, что в данный отрезок времени он, Эйве, действительно лучший».

Выигрыш Эйве явился полной неожиданностью для шахматного мира. Был сокрушен гигант, который приучил всех не просто к постоянным победам, но к победам звонким, убедительным, одержанным в стиле, не оставляющем сомнений в том, кто сильнейший игрок мира. Свою речь после победы над Алехиным Эйве закончил словами, что «боится, что он недолго будет чемпионом мира». Я думаю, что эти слова, скорее, говорят о его объективности, чем о скромности. Эйве, без сомнения, понимал, какого калибра игроки были и его поверженный соперник, и ещё не сошедший со сцены Капабланка, и выходящие на мировую сцену новые

звезды — Ботвинник, Керес.

Если на Западе шок после поражения Алехина прошел довольно быстро и шахматный мир занял сдержанно-выжидательную позицию, то в Советском Союзе произошел поворот на 180 градусов, что было характерно, впрочем, и для политики государства в целом: здесь считались только с реальностью, с самой упрямой вещью — фактами и верили только в силу. История страны постоянно менялась: герои становились предателями и изменниками, в редких случаях происходил обратный процесс. Монархист и белогвардеец, как писала тогда об Алехине советская пресса, после проигрыша Эйве был развенчан и как шахматист, зато новый чемпион мира был вознесен на неслыханную высоту.

Известный шахматный деятель Яков Рохлин писал после матча: «Пройдет несколько лет, и чемпион мира Эйве отдаст необходимую и ожидаемую всеми дань шахматной истории — в виде пары высоких призов на международных турнирах — и драматический эпизод борьбы его с Алехиным уже не будет вызывать недоумения. Но еще долго будут спорить шахматисты всего мира о том, кто был большим гением начата 20-го столетия — титанический Ласкер, интуитивный Капабланка, вдохновенный Алехин или методичный Эйве».

Сильные слова, конечно. Эйве не был гением шахмат, но он был гением организованности, логики, порядка. Слова футбольного тренера: «Порядок бьет класс» — объясняют многие успехи Эйве, и выигрыш матча у Алехина в первую очередь. Он всегда был верен принципу, что мастерство важнее вдохновения.

Оценивая свои шансы в борьбе за высший титул, Лев Полугаевский писал, что у него по сравнению с Фишером, Карповым или Каспаровым нет этой воинственности, этого «инстинкта убийцы» за шахматной доской. «С другой стороны, - полагал он, - у Эйве, Смыслова и Петросяна тоже не было такой сокрушающей энергии». С этим трудно согласиться. Все чемпионы, названные Полугаевским, в период наивысших своих достижений обладали и такой энергией, и таким напором. И у Макса Эйве под абсолютной корректностью, воспитанием, манерами, знанием языков, всем, что понимается под западной цивилизацией, ясно просматривается это агрессивное, мужское, сокрушающее начало прирожденного бойца. Без этой жажды победы, внутреннего чувства превосходства, желания доказать это невозможно выиграть матч на первенство мира.

В середине 50-х годов, когда пик карьеры был давно позади, Эйве при анализе какой-то позиции с тремя ведущими голландскими шахматистами что-то выговорил Доннеру. Тот начал оправдываться: «Но и вы тоже, случается, делаете ошибки». На что Эйве заметил: «Да, Хейн, это так, но ты не должен забывать, что я понимаю шахматы лучше, чем вы трое вместе взятые...» Необычные слова для Эйве, но эта или похожая мысль, не высказанная, не облаченная в слова, была глубоко присуща Эйве. Он сохранил эти амбиции, это чувство - доказать свое превосходство, победить! — до глубокой старости, и его ощущали молодые игроки, встречавшиеся с ним за доской даже на склоне его жизни. Ощущал и я во время нашего матча...

После проигрыша им матча-реванша в Советском Союзе вновь произошел резкий поворот в отношении уже экс-чемпиона мира Макса Эйве. Все шахматные издания охотно цитировали слова Алехина: «Я одолжил Эйве чемпионский титул на два года».

Результат первого матча стал объясняться чрезмерным употреблением Алехиным алкоголя. Известно, что он пил и раньше, иногда до партии, иногда и во время ее, как это было,

например, на турнире в Цюрихе. Сам Эйве полагал, что «во время матча 1935 года Алехин пил, вероятно, перед 18-й партией, закончившейся вничью, точно перед 21-й, которую Алехин проиграл, и перед 30-й, закончившейся вничью... Возможно, были и другие случаи, которые я не заметил, но вполне вероятно, что их число и преувеличено, так как Алехин, хотя он был близорук, наотрез отказывался носить очки и делал ход нетвердой рукой, что создавало впечатление, что он пьян, в то время как он был лрезв как стеклышко».

Сало Флор, сам претендент на мировую корону, помогал Эйве во время матча. Позднее он вспоминал: «Алехин объяснял после матча, что он искал стимулятор, особенно перед 15-й партией, когда Эйве после крайне неудачного старта, проигрывая 1:3, сравнивал счет — 7:7! Алехин сказал, что он начал «маневрировать»: для бодрости выпил рюмку и... выиграл. Победив, решил действовать еще вернее: выпил побольше... и проиграл. Так он и не сумел до конца матча установить, чего требует организм — пить или не пить. Алехин был совершенно уверен, что Эйве — не опасный для него соперник. В начале матча он был абсолютно уверен в успехе и иронически говорил мне: "Кому ты взялся помогать? Твоя помощь ему что мертвому припарки"».

В 1935 году Василию Смыслову было четырнадцать лет. В его жизни это был период активного изучения шахмат, большой самостоятельной работы, поэтому партии первого матча Алехин — Эйве он знает очень хорошо и помнит до сих пор. «В жизни ничего случайного не бывает, — полагает Смыслов.

- В какой бы форме тогда Алехин ни находился, выиграть у него матч мог только мастер высочайшего класса. Играл Эйве в том матче лучше — и выиграл, значит, суждено ему было стать чемпионом мира. Думаю, что по шахматным успехам никого с ним в Голландии сравнить нельзя, хоть и шахматная это страна».

Для Бориса Спасского победа Эйве тоже никаких сомнений не вызывает: «То, что он играл матч лучше, — совершенно очевидно. Факт, что он, не будучи профессионалом, сумел все-таки Алехина тогда победить, должен расцениваться как спортивный и творческий подвиг. Да и качество партий было достаточно высоким. Выиграв у Алехина, он вошел тем самым в плеяду шахматных апостолов».

Любопытна характеристика стиля Эйве, сделанная Михаилом Ботвинником в тот период, когда первый советский чемпион мира только боролся за это звание: «Исключительно стремительный, активный шахматист. Даже защищаясь, всегда стремится к активной контригре. Любит играть на флангах. Любит позиции без слабостей, посвободнее, делает беспокоящие длинные ходы. Стремится к развитию. Имея преимущество в позиции, не уклоняется от разменов, удовлетворяясь лучшим эндшпилем. Ошибки использует превосходно. Имея материальный перевес (пешка, качество), играет с удвоенной силой. Тонкая, превосходная техника, не без трюков».

Анатолий Карпов анализировал в свое время партии матча 1935 года очень подробно: «Конечно, Алехин был не в лучшей форме, но Эйве играл очень хорошо. К тому же тогда и не было достойных претендентов, так как игравший два матча до этого Боголюбов проиграл бесславно оба».

Ян Тимман сравнивает этот матч с матчем Карпов — Шорт: «До его начала Карпов тоже считался фаворитом, но выиграл Шорт, и выиграл закономерно. Он был тогда на подъеме, был значительно более мотивирован и очень хотел этого, так же как и Эйве в 35-м году. В тот момент Эйве просто играл сильнее».

Гарри Каспаров считает, что Эйве создал связующее звено между шахматами Ласкера, Капабланки и Алехина, находившимися в одной плоскости, и уже новыми шахматами Ботвинника, Кереса, Фаина и Решевского, принес новый, исследовательский элемент в шахматы: «Чемпионы мира должны двигать шахматы вперед, и Эйве сделал такой шаг вперед. Конечно, это был не такой шаг, какой сделал в свое время Атехин или, скажем, Ботвинник, но это был шаг вперед. Все теоретические дуэли, особенно в славянской защите, показали, что Алехин хотя и превосходил, наверное, Эйве как шахматист в общей культуре и в расчете вариантов, но уступал ему как аналитик, и матч это очень наглядно продемонстрировал.

Что касается Эйве - чемпиона мира, то в этом отношении всегда существовал какой-то глубокий скептицизм, но мой анализ его первого матча с Алехиным показал, что Эйве выиграл закономерно — звание чемпиона мира просто так не выигрывают!

Во втором матче у Эйве было какое-то чувство обреченности, но по тому качеству партий, которое демонстрировал Алехин, Эйве вполне мог с ним бороться, если бы по-настоящему подготовился к матчу. Мне кажется, что если бы он с большей ответственностью отнесся к титулу, то результат матча-реванша мог бы оказаться и иным. Я также думаю, что Эйве стал жертвой мнения, высказываемого тогда многими, что его победа была случайной, и это отрицательно пошло на его настрой. Конечно, он не имел шансов против Ботвинника или Кереса — нового поколения, но мне кажется, что с Алехиным он вполне мог бороться. Потому что и расчет вариантов был очень хороший, и шахматист он был острый, интересный. Это показывают также его поздние партии, как, например, с Геллером и Найдорфом из кандидатского турнира 1953 года. С Найдорфом — интуитивная атака, талевского типа, очень красивая. Его вклад в развитие шахмат остался, на мой взгляд, сильно недооцененным.

Без всякого сомнения, он был одной из наименее противоречивых фигур в ряду чемпионов мира. О Стейнине я ничего сказать не могу, но в отношении других я вижу только три фигуры, по отношению к которым черную краску употребить вообще нельзя. Три фигуры, стоящие особняком: Ласкер, Эйве и Таль».

Мне кажется, основной причиной проигрыша матча-реванша явился внутренний настрой Эйве: звание чемпиона мира завоевано, я оправдал надежды тех, кто верил в меня, кто помогал мне, барьер взят, жизнь продолжается. Именно этот настрой предопределил его поражение, а не пробелы в чисто шахматной подготовке и усыпившая бдительность Эйве неуверенная игра Алехина в ранге экс-чемпиона, как Эйве объяснял свой проигрыш. Перспектива постоянно доказывать свое превосходство, отодвинув на второй план все другие аспекты жизни, совсем не привлекала Эйве; он был лишен необходимых качеств, а может быть, и недостатков, чтобы долго оставаться чемпионом мира.

Среди гениев и философов, фанатиков и суперменов, которых нетрудно отыскать в ряду шахматных чемпионов, Макс Эйве выделяется скромностью, обычностью, создающей впечатление, что его путь доступен едва ли не каждому. Я думаю, что к Эйве применимы слова, сказанные в свое время о Флобере: его мастерство не бросается в глаза, и можно подумать, что так под силу писать каждому, только вот почему-то никто не пишет.

Всех чемпионов мира, начиная с Алехина, можно разбить на три категории. К первой я бы отнес Алехина и Фишера. При всей разности этих двух гениев шахмат (первый закончил одно из самых престижных высших учебных заведений Петербурга и защитил диссертацию в Сорбонне, второй не закончил и школы) у них есть немало общего. И для Алехина, и для Фишера самовыражение в шахматах и связанная с этим обязательная победа являются смыслом

всей жизни. Всё остальное играет второстепенную роль, поэтому носит противоречивый и переменчивый характер. Словом, сама жизнь проходит у них как бы на заднем плане.

Ко второй группе относятся все советские чемпионы. Дело даже не в том, что они играли под флагом с серпом и молотом и получали стипендию в Спорткомитете. Все они в определенные периоды жизни, а некоторые и всю жизнь, были подвластны правилам игры, принятым тогда в Советском Союзе. И это объединяет их всех, независимо от того, были ли они искренне советскими людьми, как Ботвинник, или религиозными, как Смыслов, пытались жить в безвоздушном пространстве, как Таль, или приспособлялись, как Петросян, стараясь извлечь наибольшую выгоду для себя и «своих» людей, были чистыми прагматиками, возведенными в символ системы, как Карпов, или стали ярыми ее противниками, как Спасский или Каспаров.

Третья категория чемпионов мира состоит из одного человека. Это - Макс Эйве. Единственный подлинный представитель Запада с его ценностями, принципами и моральными категориями, заложенными в детстве и оставшимися таковыми и в восьмидесятилетнем возрасте.

Все мои первые шахматные успехи на голландской земле так или иначе связаны с Эйве. Международным мастером я стал в 1974 году. Я впервые играл тогда на Олимпиаде в Ницце за сборную страны и выполнил требуемую норму еще до конца соревнования. Эйве, который был президентом ФИДЕ, подошел ко мне сразу после партии: «Формально все комиссии уже закончили свою работу, но если вы заполните этот формуляр на представление звания, то, вероятно, удастся что-либо сделать». Это удалось.

В январе 1975 года, когда я играл в Вейк-ан-Зее, его попросили прокомментировать для публики наиболее интересную партию тура. Он выбрал мою партию с Брауном, и по ее окончании мы еще долго разбирали вместе головоломные варианты. Ему было тогда семьдесят три года, но в анализе, особенно в комбинационных ситуациях, взор его был по-прежнему остр. А через пару дней Эйве поздравил меня с выполнением первой гроссмейстерской нормы. Я называл его Профессором; он говорил мне «господин Сосонко» или «Генна», смотря по обстоятельствам. Разумеется, мне и в голову не приходило называть его по имени, хотя однажды я услышал, как совсем юный ван дер Виль назвал его Максом. «Ему ж только приятно. А то все «господин Эйве» да «господин Эйве», - пояснил он тогда удивленному мне.

...12 июня 1975 года Эйве и я давали сеансы одновременной игры в Гронингене. Дату эту я запомнил очень хорошо: Профессор только что вернулся из Таллина, где 10 июня был на похоронах Пауля Кереса, друга и соперника еще с довоенных времен.

Сеанс был нелегким. Игрши мы в студенческом клубе, и молодые люди с длинными по тогдашней моде волосами насыпали табак на папиросную бумагу и ловко, едва смачивая ее слюной, скручивали настоящие сигареты. Для них не существовало авторитетов, они играли волжский гамбит, норовя при первой же возможности привести своего коня на d3; многие после сделанного хода тянулись рукой к несуществующим часам, что выдавало в них испытанных турнирных бойцов. Одним словом, это был трудный сеанс, и Эйве пришлось, конечно, еще труднее, чем мне.

В купе поезда по дороге в Амстердам он сразу извлек из папки, которая всегда была при нем, стопку документов и углубился в чтение, время от времени делая пометки. «Через несколько дней заседание Исполкома ФИДЕ, и я должен всё привести в порядок», — сказал он, встретившись с моим вопросительным взглядом. Был уже поздний вечер, но Эйве совсем не выглядел усталым, наоборот, он был скорее доволен: шахматный праздник в Гронингене

удался, сейчас он на пути домой, он пишет, он работает, и время не проходит даром, и поезд движется, и он пишет, и время не проходит даром, и поезд движется, и он работает...

Когда мы уже подъезжали, он взглянул на часы и начал о чем-то переговариваться с проводником: «Поезд запаздывает, и я боюсь, что жена, не дождавшись меня, вернется домой», - объяснил он. «Ну, так что ж, Профессор, — неосторожно заметил я, - тогда вы возьмете такси». Эйве внимательно посмотрел на меня: «Четвертый номер трамвая идет до моего дома, господин Сосонко». У четвертого номера амстердамского трамвая по-прежнему тот же маршрут, и от его кольца до дома на Менсинге, где он тогда жил, надо было пройти еще порядочный кусок...

Перед матчем с Алехиным у маленькой Элс Эйве спросили в школе: «Что произойдет, если твой отец станет чемпионом мира?» — «Тогда у нас будет курица на обед», — отвечала девочка.

После выигрыша матча Эйве в ответ на предложение Флора отдохнуть с месяц на Ривьере заметил: «У меня нет и гривенника для того, чтобы добраться до станции». У него не было денег на такси после выигрыша последней партии матча, трамваи из-за сильного снегопада не ходили, и он отправился домой пешком. Сорок лет спустя Эйве, разумеется, мог позволить себе взять такси, но дело было не в деньгах. Определение «скупой» было бы неверным для его характеристики. Понятия «экономный», «бережливый» ближе к истине, но тоже, по-моему, не вполне отражают существа дела. Его почти аскетический образ жизни был вызван не отсутствием материальных средств — в последние десятилетия жизни он мог уже многое себе позволить, — но воспитанием и внутренней установкой на полную независимость от жизненных обстоятельств. Здесь свою роль сыграли и кальвинистская среда, в которой он рос, и скромный быт в семье школьного учителя, и весь комплекс понятий, которым более других соответствует голландское слово «fatsoen» [10].

Одет он был всегда очень аккуратно и очень буднично. Его это мало интересовало, равно как и то, что он ел: мысли и заботы об этом оторвали бы его от многочисленных обязанностей. Он никогда не ходил в ресторан, ужиная обычно за полчаса, после чего уходил к себе. «У нас дома ели в восемь часов, в час и в шесть часов вечера, на ночь нам давали стакан молока, — вспоминает Еле Эйве. — Во время еды отец всегда слушал последние известия по радио. Если он смотрел по телевизору какой-нибудь пустой сериал, то делал при этом, как правило, что-либо еще. Нередко были включены и радио, и телевизор, и он слушал и смотрел одновременно. Он постоянно бывал в разъездах, но условия в этих поездках были всегда спартанские, он избегал малейшего комфорта, в поезде не брал спального места».

Он никогда не вел дневников, но аккуратно записывал все расходы в специальную тетрадь. Несколько таких хранятся в центре Макса Эйве в Амстердаме, только в графы прихода и расхода аккуратно мелким почерком внесены анализы шахматных партий...

По природе своего шахматного таланта он был в первую очередь тактиком, но, как заметил Карпов, просматривавший однажды партии Эйве с целью собрать материал по теме жертва ферзя, ни одной такой в его партиях он не обнаружил.

Крогиус пишет, что у Эйве «заметно преувеличенно-почтительное отношение к материалу. Надо сказать, что многие ошибки Эйве, и не только в дебюте, связаны с преувеличением роли материального фактора».

Отражение жизненной концепции? Не совсем. Даже когда единственным источником дохода являлось жалование преподавателя математики в женском лицее, у него всегда кто-нибудь гостил. Смыслов вспоминает до сих пор о трех замечательных днях, которые он провел в Амстердаме, оставшись с Кересом после какого-то турнира в доме Эйве. Средства на его многочисленные поездки по миру в качестве президента ФИДЕ шли, как правило, из фонда Эйве, пополнявшегося им самим за счет сеансов, лекций, показательных партий.

Он мог отправиться домой после трудного сеанса на трамвае, но на другой день, не задумываясь, пожертвовать крупную сумму на дело, которое считал правильным и полезным. Он нередко одалживал деньги нуждающимся шахматистам, как, например, Давидсону, Ландау и ван ден Бергу, хотя и знал, что одолженных денег, возможно, придется ждать долго, очень долго...

В конце 70-х был создан комитет, чтобы помочь Яну Тимману в борьбе за первенство мира, и Эйве стал одним из его членов. Он поддерживал комитет лично, платя немалые суммы из своего кармана, но избегая афишировать это. Очевидно, что он хотел продолжить традицию комитета Эйве: мне помогли тогда, теперь мой черед помочь.

В его мировосприятии это было долгом (ключевой термин для понимания сущности Эйве) и правильно во всех смыслах: для Тим-мана, для шахмат, для Голландии. Последнее слово не было для Эйве пустым звуком. Дочери вспоминают, что видели его плачущим единственный раз в жизни — 15 мая 1940 года: «Мы еще не ушли в школу — отец сидел в кресле и его брил парикмахер, который обычно приходил к нему по утрам. Радио было включено, и отец услышал сообщение о капитуляции Голландии».

Он никогда не ходил в музеи и почти ничего не читал - для этого у него просто не было времени. Однажды, взяв с собой в отпуск несколько пустых книжонок, он быстро прочел их, а потом всё оставшееся время маялся от безделья. Он обладал абсолютным слухом, любил классическую музыку — Бетховена, Шопена, но в филармонию не ходил - ведь для этого нужно время. Музыка проходила у него как бы на заднем плане, сопровождая какое-либо другое занятие. Голландский мастер Ханс Баумейстер, пианист-любитель, живший под Утрехтом, вспоминает, как Эйве приехал к нему однажды на домашний концерт: «Уже при исполнении первой вещи он листал расписание поездов, чтобы уточнить время последнего на Амстердам...»

Каролин Эйве: «Он всегда шел спать в половину одиннадцатого и перед сном слушал по радио последние известия. Больше всего на свете он не любил беспорядок. Он всё планировал: отпуск, свободное время. Он и для мамы составлял схемы, когда и как должно быть что-то сделано. Всё должно было быть всегда в порядке, всё на своем месте. Он сердился, когда мы приносили плохие отметки из школы. И еще он сердился, когда он сидел и работал, а я под его окном играла с мальчишками в футбол»...

Характеризуя отца Яна Тиммана, профессора математики Рейна Тиммана, Эйве писал: «Я знал многих профессоров, но только редчайшие из них сочетали в себе глубокие профессиональные знания с такими превосходными качествами, как объективность, скромность и сдержанность». Это, конечно, о нем самом. То, что было присуще ему самому, и то, что он так ценил в людях: объективность, скромность и сдержанность.

Самокопание и самобичевание, присущие многим шахматистам, были ему совершенно незнакомы. Первая половина неудачно сложившегося для него матч-турнира на первенство

мира проходила в Гааге. Возвращаясь вечером домой в Амстердам, он располагался обычно на заднем сиденье машины с Карелом ван ден Бергом, помогавшим ему в том турнире.

Проанализировав позицию на карманных шахматах, он объявлял: «Нужно сдаваться - позиция проигранная». И тут же начинал говорить о других вещах так, как будто шахмат не существует вовсе.

Вспоминает Смыслов: «Был Макс симпатичный, и, хотя в наших встречах успех ему не всегда сопутствовал, а неудачи, наоборот, чаще случались, удивлялся я всегда его абсолютно корректному поведению после партии и во время разбора ее. В Гронингене в 1946 году играл Макс прекрасно, но посчастливилось Ботвиннику очень — нашел ничью в отложенной позиции в партии с Эйве, хотя казалось всем: проигрывает он. Мы обедали тогда вместе, и Михаил Моисеевич всё анализировал позицию на карманных шахматах, нервничал очень...»

Ботвинник утверждал, что был период, когда его отношения с Эйве носили очень острый характер. Мне это трудно себе представить. Вероятно, и сам Эйве удивился бы, узнав об этом: у него с Ботвинником; во всяком случае, острых отношений не было. Его друг и секундант Ганс Кмох писал, что Эйве был более всего счастлив, когда мог доставить кому-нибудь удовольствие.

Тимману было неполных двенадцать лет, когда он сыграл первую партию с Эйве. Было это в сеансе одновременной игры в Гааге. Партия — был разыгран вариант «каменная стена» — получилась интересной и закончилась вничью. Но любопытно другое. «Я сидел рядом с моим старшим братом Тоном, который получил преимущество в дебюте и предложил ничью, — вспоминает Ян. — Эйве улыбнулся и сказал: «Нет, у тебя не скоро еще будет шанс сыграть со мной». И Тон в конце концов выиграл. Типичный Эйве: дружеский, ободряющий молодого жест, когда результат партии неважен, он как бы отходит на второй план».

Он говорил на основных европейских языках. Самым сильным был немецкий — международный язык шахматистов до Второй мировой войны. Уже в пожилом возрасте он стал брать уроки испанского; помню спич Эйве по-испански на открытии Олимпиады в Буэнос-Айресе в 1978 году. Труднее было с русским. Его выступление по-русски на закрытии турнира в Гронингене (1946) вызвало шутку Котова: «Этого не смог бы понять даже голландец!» Хотя он в дальнейшем неоднократно бывал в Советском Союзе и даже пытался учить язык, его познания ограничивались отдельными фразами. Я слышал несколько таких на закрытии межзонального турнира в Биле в 1976 году. С их помощью и с вкраплениями английских и немецких слов Эйве вел полумимический разговор с Геллером и Петросяном. Но когда те, обрадованные возможностью беседы без помощи переводчика, превышали допустимую скорость речи - обычная ошибка всех, говорящих только на одном языке, — Профессор лишь восклицал: «Да! Да!» — и кивал приветливо, что бы те ни говорили.

В молодые годы он регулярно по воскресеньям играл в футбол, боксировал, плавал. Элс Эйве: «Отец довольно часто играл в настольный теннис, предпочитая оборонительную тактику. Он нередко вытягивал труднейшие мячи, побеждая игроков, превосходящих его по силе. Он стал учиться вождению самолета, и мы, дети, замирали от восторга, когда отец описывал круги, пролетая над нашим Домом. К счастью, ему не удалось сдать последнего экзамена, и он так и не получил разрешения на вождение самолета, так как в этом случае он, без сомнения, был бы мобилизован, а почти все летчики погибли в первый же день войны».

Когда у Эйве спросили о самом счастливом событии в жизни, он ответил: «День в 1964 году, когда я стал профессором». Слова эти произвели фурор в шахматном мире: как? Чемпион мира

оценивает какой-то другой факт как более значительный? Факт, сообщаемый в любой шахматной энциклопедии разве что короткой строкой. Тем не менее, я думаю, Эйве сказал то, что думал: чувство кокетства ему было чуждо. И дело тут не в чудачестве или в неверно понятых масштабах сделанного. Примеры Ньютона, считавшего величайшим созданием своей жизни «Замечания на книгу пророка Даниила», или Вагнера, ценившего свои стихи выше, чем свою музыку, здесь неуместны. Он прекрасно понимал, что чемпион мира по шахматам — один, а профессоров математики в мире — тысячи. Признание это говорит в первую очередь о том, какое место он отводил шахматам в шкале человеческих ценностей, в шкале, размеченной им самим.

Слова Ласкера, сказанные ровно век назад, определяют отношение Эйве к шахматному профессионализму: «К таким шатким профессиям принадлежит турнирная шахматная игра. Едва ли можно назвать ее в полном смысле слова профессией, ибо она не приносит стабильного заработка для семьи. Но... она приносит известность. А бедность легче переносится, если чувствуешь свою незаурядность. Известность можно использовать также в деловых сношениях, она дает некий шанс для выбора других занятий, типа работы страхового агента или учителя, или дает возможность получить рекомендацию на получение легкой работы со сносным жалованьем».

В представлении римлян только государственная служба была делом — «negotium», тогда как все остальные занятия — досугом — «otium». В Западной Европе в 20—30-е годы эти два римских понятия почти точно соответствовали представлениям общества о настоящей профессии и шахматах. Любопытно, что в то время в Советском Союзе профессионализм в шахматах, ставший обычным явлением там во второй половине века, тоже был внове. Аспирант Миша Ботвинник вспоминал о горькой пилюле, которую он был вынужден проглотить, вернувшись в Политехнический институт после матча с Флором. «Все аспиранты выполнили свои планы, кроме двоих: один был болен, а другой был отозван... для общественной забавы», — сказал его руководитель. К тому же времени относятся и шуточные строки, обращенные к студенту Александру Котову — будущему гроссмейстеру: «Маэстро можешь ты не быть, но инженером быть обязан!»

Еще в царской России шахматы были довольно популярны: международные турниры в Петербурге являлись значительными событиями, а гастролы Ласкера, Капабланки, других ведущих гроссмейстеров собирали полные залы, хотя, как и всюду тогда в Европе, шахматы были игрой преимущественно для высших слоев общества. Но не только давней традицией объяснялся огромный интерес к шахматам в СССР. «А что же им еще делать?» — отвечал Алехин на вопрос о причинах популярности шахмат там. Изолированность страны от остального мира, требовавшая выхода энергии масс, поддержка на самом высоком уровне — всё это породило феномен, просуществовавший более полувека: советские шахматы. Шахматы стали политическим инструментом, имеющим назначение показать всему миру превосходство социалистической системы. Самый первый чемпионат, выигранный Алехиным, был проведен в России уже через три года после установления советской власти.

Наряду с крупнейшими международными турнирами в стране проводятся сотни соревнований самого различного уровня. По силе игры советские мастера сначала достигают уровня лучших профессионалов Запада, а затем и превосходят их. Шахматным Эльдorado называют Советский Союз западные профессионалы, играющие в знаменитых московских турнирах. Толпы любителей, жаждущих посмотреть на прославленных мастеров игры, с трудом сдерживаются конной милицией. Такой феномен был известен на Западе только в шоу-бизнесе, шахматы там

ютились, как правило, в прокуренных кафе, и профессия «шахматист» вызывала недоуменное поднятие бровей.

Настоящая профессионализация шахмат произошла только после войны. Появился новый отряд молодых советских гроссмейстеров, уровень игры которых был настолько высок, что на послевоенных Олимпиадах речь шла лишь о том, с каким отрывом от второго призера выиграет советская команда. Результат Олимпиады в Буэнос-Айресе (1978), когда Венгрии удалось завоевать золотые медали, оттеснив Советский Союз на второе место, был расценен как едва ли не крупнейший провал за всю историю советских шахмат!

К тому времени процесс профессионализации шахмат захватил и другие страны. Не только сборные соцстран, но и сильнейшие команды Западной Европы и США были полностью укомплектованы профессионалами. Несмотря на это, мнение Эйве о шахматном профессионализме оставалось неизменным до самого конца. Вот что он писал своей ученице Анеке Тимман в 1975 году: «К решению Яна расстаться с шахматами как с профессией и основное время посвятить учебе в университете я отношусь положительно и очень рад за него и всю вашу семью. Разумеется, наряду с основной профессией шахматы останутся в его жизни, но к ним он будет относиться значительно менее серьезно, чем раньше. Я рассматриваю его намерение как очень достойное: это будет поступок, являющийся данью памяти отца и заслуживающий полного уважения. Радуюсь его решению, как очень благоприятному поворотному пункту в карьере Яна, в которой шахматы не вполне будут оставлены».

Именно таким отношением к игре, я думаю, объясняется решение Эйве в начале 50-х годов окончательно расстаться с игрой в турнирах, а не только расхожей истиной: всё, что перестает удаваться, перестает и привлекать.

Период, когда Эйве вел жизнь профессионала, был для него труден. Хотя он и работал постоянно с О'Келли и ван Схелтинга, секунданты советских участников матч-турнира 1948 года откровенно смеялись над его подготовкой: Ботвинник, Керес и Смыслов легко опровергли заготовленные им схемы в открытом варианте испанской партии и в меранском варианте. Сеансы одновременной игры, нередко в прокуренных залах кафе, вечная материальная зависимость от шахмат не только были тяжелы психологически, но и сказывались на общем состоянии Эйве. Во время турне по Швейцарии дочери должны были постоянно прикладывать лед к его вискам, а Тайманов вспоминает, как во время турнира претендентов 1953 года жена постоянно массировала Эйве голову, пока соперник думал над ходом. «В том турнире Эйве играл не хуже остальных, но, я бы сказал, тяжелее, труднее, чем остальные. У меня, впрочем, он выиграл, хотя я был вдвое моложе. Вариант защиты Нимцовича, который встретился в нашей партии, мы с Флором проанализировали, как нам казалось, досконально, но Эйве опроверг этот анализ, выиграв важный теоретический диспут».

В 1960 году перед Олимпиадой в Лейпциге он получил в министерстве задание подготовить сильную команду: голландские спортсмены на Олимпийских играх в Риме выступили неудачно, и шахматисты должны были поддержать честь страны. Хотя команда и вышла в финал, сам Эйве играл на редкость слабо: проиграв Аарону и Найдорфу, он должен был временно вернуться в Голландию для чтения какой-то лекции. Через два года в Варне он играл лучше, хотя очень боялся повторить фиаско Лейпцига, и было видно, какого напряжения стоит ему каждая партия. Это была его последняя Олимпиада.

Элс Эйве: «Настоящий достаток пришел в дом, только когда отец стал профессором. В доме появились деньги, и ему это было очень приятно, и он сказал жене: «Ты можешь купить себе

шубу», и ему было очень приятно сказать ей это. Однажды в аэропорту мы были в VIP-салоне, и он явно наслаждался пребыванием там, равно как в конце жизни — замечательной просторной квартирой, уютом, центральным отоплением».

Этот период его жизни совпал с появлением в Западной Европе, и прежде всего в Голландии, общества благоденствия, тотальной раскрепощенности и сексуальной революции. Если сравнить серьезное, сосредоточенное лицо Макса-школьника и Макса-студента с часто улыбающимся Эйве-профессором и Эйве-президентом, невольно приходит мысль: он родится старым и молодеет с годами. С возрастом он становился как-то мягче и раскованнее, и те, кто был знаком с ним близко, знали, что за костюмом классического покроя и строгим галстуком скрывается эмоциональный человек, живо реагирующий на радости жизни и ее удовольствия, которые он раньше не замечал или от которых отказывался сознательно. Ему уже не нужно было привязывать себя к мачте, как Одиссею; он дал жизни больше, чем взял у нее, и пришла пора подумать о себе самом.

В последний год жизни Эйве вместе с дочерью был в круизе. Среди книг, захваченных ею с собой, он увидел брошюру о стрессе и принялся читать. «Элс, - удивился он, - я не понимаю, что это такое, у меня никогда не было стресса». Тогда же он сказал: «Ты, я вижу, болтаешь здесь со всеми, а я, честно говоря, не знаю, о чем говорить с этими людьми». Он привык говорить сразу со многими или в присутствии многих: перед классом, перед студенческой аудиторией, на конгрессе ФИДЕ, на открытии Олимпиады, и каждый такой разговор, выступление или речь несли в себе какую-то цель. И кто знает, может, его постоянная занятость, разнообразные дела и обязанности, эта туго заведенная пружина жизни объясняются тем, что он не знал, что сказать, оставшись наедине с самым трудным собеседником — самим собой.

Я не думаю, что ему было хорошо на этом круизе. Ограниченный пространством, он был приговорен к занятиям, чуждым для него, а главное — не имевшим для него никакого смысла и цели: разговорам в баре или с соседями по столу, когда предмет разговора забывается уже через минуту, переодеваниям к ужину (ведь на каждом круизе царит культ еды), всевозможным играм и развлечениям, просмотру вечернего шоу... Или еще бессмысленнее: лежа на палубе в шезлонге, следить за проплывающими облаками, слушать шум воды за бортом и ничего не делать. Ничего.

Я никогда не смотрел на него как на исторический объект и тем более как на литературный; может быть, оттого, что, когда я несколько раз заговаривал с ним о прошлом, он быстро переводил разговор в настоящее или близлежащее будущее. Эйве был человеком действия, а не философствования. И что бы он ни делал, он старался делать наилучшим образом. Слова амстердамского мудреца: «Чем больше совершенна в своем роде какая-либо вещь, тем больше она действует и тем менее страдает. Можно сказать и наоборот: чем более что-либо действует, тем оно совершеннее» - относятся прямо к нему.

Эйве не был верующим. Очень религиозной была его жена, и он полагал, вероятно, что за эту сторону жизни отвечает она. Вспоминаю, как после кремации вдова, принимая соболезнования, отвечала с твердой убежденностью: «Я не сомневаюсь, что наша разлука с Максом временная...» В его же представлении о миропорядке и ценностях человеческой жизни главная роль отводилась времени. Это был его единственный бог.

Самый большой грех заключался для него в неоптимальном использовании этой единожды данной ему жизни. Вслед за Эйнштейном он мог бы сказать: «Если бы я узнал, что через три часа должен умереть, это не произвело бы на меня большого впечатления. Я подумал бы о том,

как лучше всего использовать эти три часа». Он работал постоянно: за письменным столом, за шахматной доской, за кафедрой в аудитории, в самолете, поезде, даже в карете, отвозящей его на церемонию собственного бракосочетания. Роденовский девиз «Toujours travailler» [11] был и его девизом; хотя, может быть, еще точнее кантовское: «Работа — лучший способ наслаждаться жизнью». Термин «трудоголик» был применим к нему, когда этот термин еще не был известен. Кмох говорил: «Эйве может только тогда дышать свободно, когда он задыхается от работы».

Возвращаясь из-за границы, он, не раздеваясь, первым делом подходил к письменному столу и перебирал накопившуюся корреспонденцию. Он всегда отвечал на письма в тот же день и очень страдал оттого, что лишен такой возможности из-за частых поездок. Не сомневаюсь, что новые времена с их техническими возможностями понравились бы ему чрезвычайно.

После того как он брал в жизни какой-либо барьер: выигрыш чемпионата страны, гроссмейстерский титул, звание чемпиона мира, профессорство, — он устремлялся к следующему, полагая, что достигнутое - уже пройденный этап. Переехав на новую квартиру, он не взял с собой ни одной газетной вырезки или журнальной статьи о былых успехах — всё это было в прошлом. Не думаю, чтобы он рассматривал эти барьеры как конкретные цели, поставленные перед собой. Он просто следовал испытанной формуле: «Fais ce que dois, advienne que roigta» [12]. Вся его манера жизни хорошо вписывается в положение Книги о Дао, что путь, а не цель составляют смысл жизни.

Вероятно, эти философские попытки осмыслить его жизнь вызвали бы у Профессора улыбку. Скорее всего, он похлопал бы меня по плечу, посмотрел бы на часы, сказал бы, что на носу очередной конгресс ФИДЕ или что-нибудь в этом роде. Это отношение к жизни математика, кем он и был, отношение по принципу: не надо удивлять этот мир, а надо просто жить в нем. Что он и делал.

В мае 1981 года Максу Эйве исполнилось восемьдесят. Он выглядел прекрасно. Загорелый, улыбающийся, с гвоздикой в петлице, Эйве принимал поздравления в амстердамском отеле «Карлтон», и никто даже мысленно не примерял черточку справа к первой дате, чтобы поставить итоговую цифру. Он был полон планов: известно ведь, что действительно здоровые люди не только не думают о смерти, но живут и поступают так, будто они бессмертны.

На его карманных шахматах всегда были расставлены позиции из партий первенства страны по переписке, которые он постоянно анализировал. Эйве намеревался принять участие и в чемпионате мира по заочной игре — турнире, длящемся обычно несколько лет. «Увидите, — говорил он Авербаху за полгода за смерти, — я еще стану чемпионом мира по переписке!» Он совершенно не поддавался влиянию возраста, был уверен, что проживет до ста лет, и, несмотря на то, что достиг преклонных годов, обделил нас уроком старости и умер еще не насыщенный днями.

В начале ноября Эйве отправился в Израиль, на Мертвое море. Путь получился нелегким: он вылетал из Базеля, куда приехал ночным поездом из Роттердама после сеанса одновременной игры, не взяв по обыкновению спального места. На второй день пребывания на Мертвом море у него случился сердечный приступ. Придя в себя через несколько дней, он первым делом попросил комплект шахмат. Врачи настаивали, чтобы он остался в больнице хотя бы на неделю. «Если врачи говорят «неделя» — значит, через пару дней можно вылетать домой», — сказал Эйве. Разрешение было получено при условии, что в Голландии он немедленно обратится к врачам.

Вернувшись в Амстердам, он сразу же приступил к работе, но врачи настояли на госпитализации: предстояла серьезная операция на сердце. Эйве не терял оптимизма и надеялся скоро встать на ноги: начинался чемпионат мира среди компьютеров, в котором он обещал принять участие. Перед операцией он сказал: «Мое самое большое желание сейчас — это сидеть под яблоней и ничего не делать. Ничего. Просто сидеть под яблоней...»

Май 2001

Чемпион? Профессор?

Вторник, 01.11.2011 13:06

- [Генна Сосонко](#)

Эта фотография сделана на матче за мировое первенство Алехин - Эйве (1935). Надпись по-голландски: «Просим соблюдать абсолютную тишину». На табличке автографы обоих гроссмейстеров.

Перед фамилией Алехина можно заметить букву D. Эту букву (чаще аббревиатуру D-r) Алехин начал употреблять после 1925 года. В шахматных словарях и справочниках нередко указывается, что чемпион мира по шахматам был доктором права.

Александр Александрович закончил Поливановскую гимназию в Москве на Пречистенке, а в Петербурге престижное Училище Правоведения. В 1921 году он покинул советскую Россию и после двух лет странствий и почти непрерывной игры в турнирах поселился в Париже. Можно было сделать передышку, и Алехин решил часть времени посвятить защите докторской диссертации. Известна и тема

диссертации: «Система тюремного заключения в Китае». Но защитил ли он ее действительно? После тщательных поисков в архивах Сорбонны ни официального сообщения об этом факте, ни самой диссертации обнаружено не было.

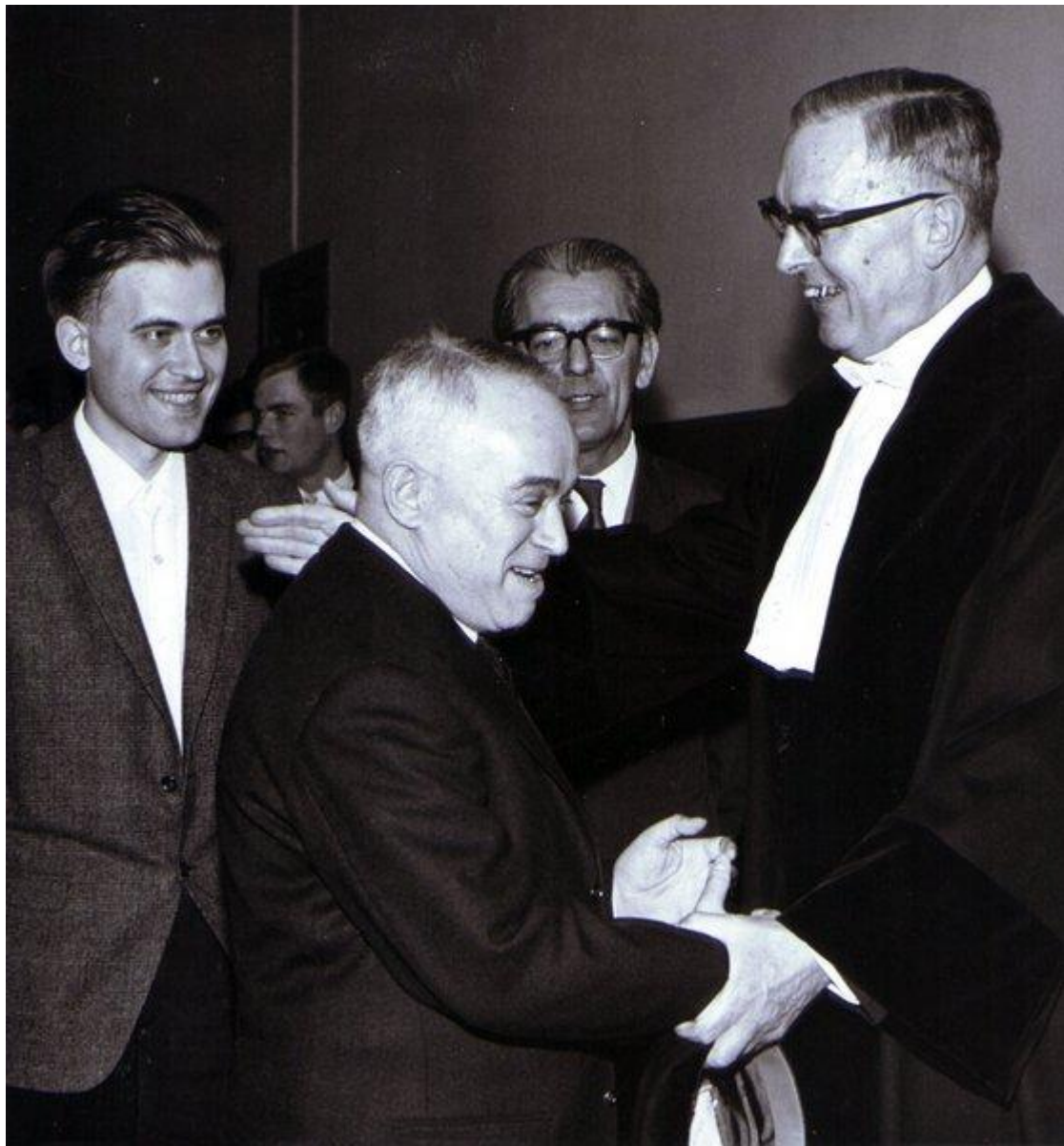
Случай Алехина не единственный, когда докторское звание употреблялось знаменитыми шахматистами без формальных на то причин. Если называвший себя доктором Цукерторт даже не завершил медицинского образования, Зигберт Тарраш закончил медицинский факультет, что дало ему возможность работать врачом, но докторской диссертации он тоже никогда не защищал. Это не мешало и Цукерторту, и Таррашу, владевшим многими языками, быть высокообразованными и в высшей степени разносторонними людьми.

То же самое может быть сказано и об Александре Александровиче Алехине, и факт защиты или, вернее, незащиты им докторской диссертации не так важен, конечно. Ясно, что не только по способностям, общему развитию, знанию языков и фантастической памяти, русский шахматный гений далеко превосходил уровень среднего человека.

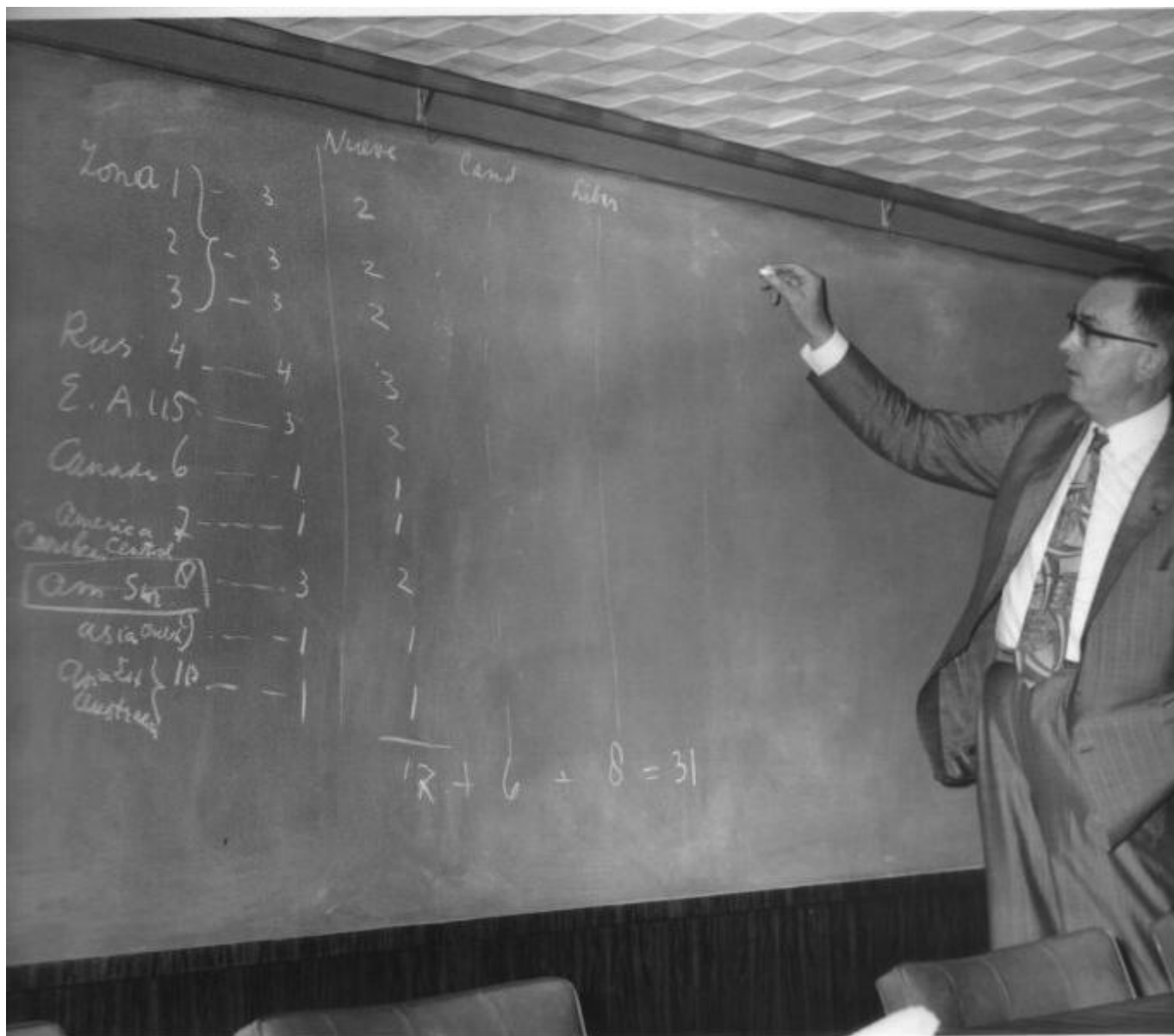

Макс Эйве был не только доктором, но и профессором.

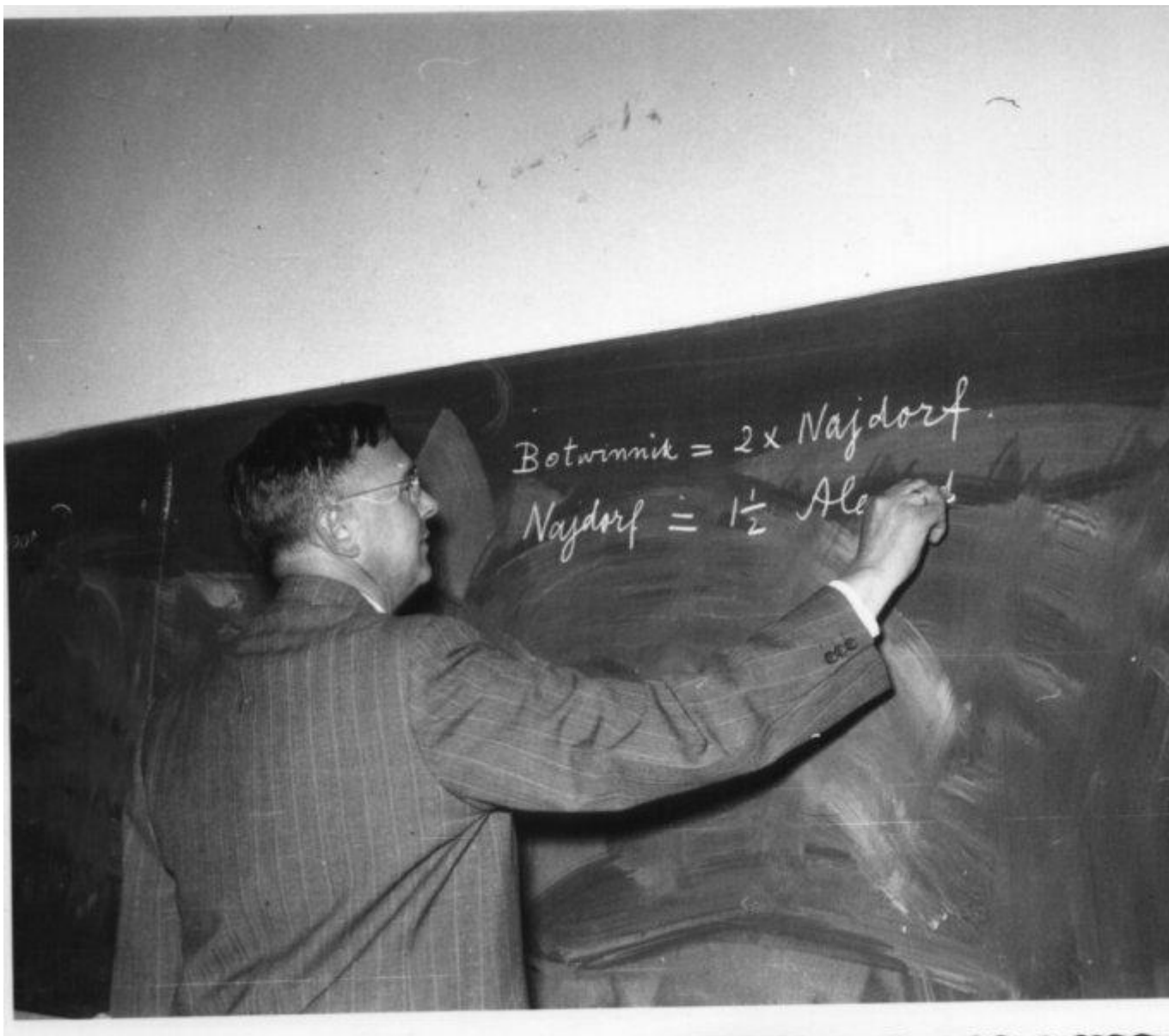
Эйве стал профессором в 1964 году, хотя официальная церемония состоялась 11 февраля 1965-го. На фотографии он в черной профессорской тоге, шапочке и белом жабо. Процедура торжественно-официальная, но глаза у профессора озорные...

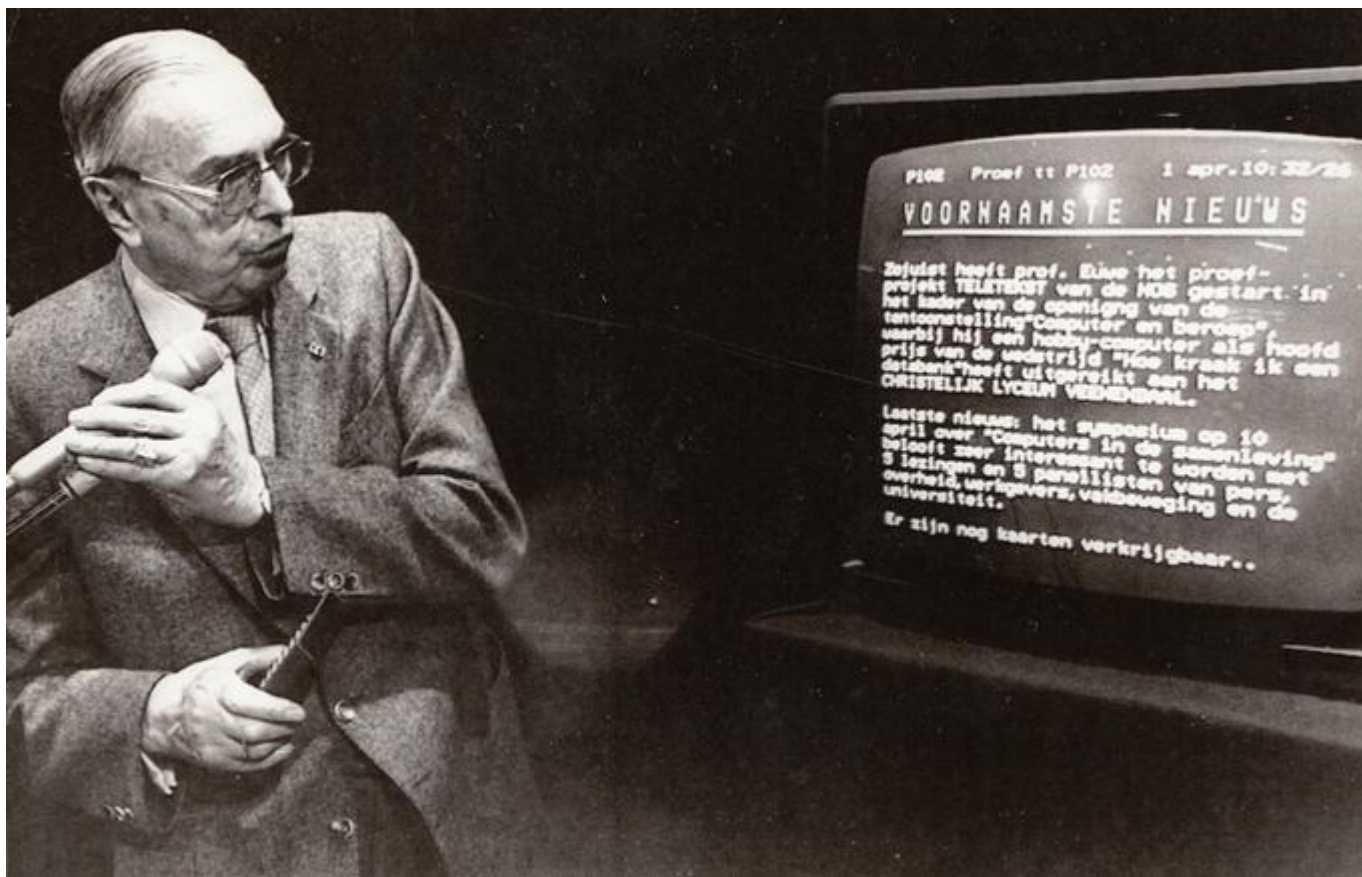
На церемонии в здании Высшей Экономической школы в Роттердаме, где Эйве преподавал методологию автоматической обработки информации, присутствовали и шахматисты. На снимке Бент Ларсен, голландский мастер Берри Витхауз и старый друг чемпиона мира Сало Флор, специально прилетевший по этому случаю из Москвы.

Сначала мне казалось, что на этой фотографии профессор Эйве пишет какие-то формулы на лекции по информатике. Приглядевшись, я заметил, что на самом деле это разбивка стран мира на зоны. Схема зональных шахматных турниров, число выходящих из каждой зоны. Эйве сказал однажды: «Идея зональных и межзональных турниров принадлежат мне, как и правила матчей на первенство мира. Не хочу сказать, что я так уж горжусь этим, знаю, что у системы немало критиков, но надо было ведь с чего-то начинать...»

Здесь сомневаться не приходится: это не лекция по информатике. «Гений порядка», как называли Эйве, пытался и в шахматах вывести какие-то закономерности. Почему Ботвинник равен двум помноженным друг на друга Найдорфам, а один Найдорф - полутора Алехиным (?), я не знаю.

12 сентября 1980 года в помещении Свободного Университета Амстердама было представлено очередное техническое новшество: телетекст. Запустить телетекст в действие было доверено специалисту по автоматической информатике, профессору, доктору Макс Эйве.

На фотографии Эйве нажимает на кнопку дистанционного управления, и на телевизионном экране появляется сводка последних новостей. Это было последнее официальное появление знаменитого голландца перед широкой аудиторией. Два месяца спустя его не стало.

Писал однажды, повторюсь: когда у Эйве спросили о самом счастливом моменте в его карьере, чемпион мира сказал: день, когда я стал профессором. Пусть это было в блиц-интервью по телевидению, все равно ответ Эйве произвел тогда фурор в шахматном мире: подумаешь – профессор, таких ведь десятки тысяч, а то и сотни... Он ведь был, пусть только два года, лучшим шахматистом в мире.

Я все время порывался спросить Профессора, как я называл Эйве, что он действительно думает о самом памятном событии в карьере. Но так и не решился.

Спортсмен и джентльмен

Среда, 26.10.2011 18:59

- [Генна Сосонко](#)

В этом году в Голландии юбилейные даты. 110 лет назад родился Макс Эйве, в 1981 году он ушел из жизни. Профессор математики и президент ФИДЕ, спортсмен и джентльмен, он был уважаем не только в Голландии, но и во всем мире.

Сравнивая Эйве с выдающимися чемпионами, историки шахмат не ставят перед его именем прилагательного «великий». Наверное, они правы, но для маленькой страны у Северного моря он остается примером человека, достойно прожившего жизнь в такое непростое время ушедшего столетия.

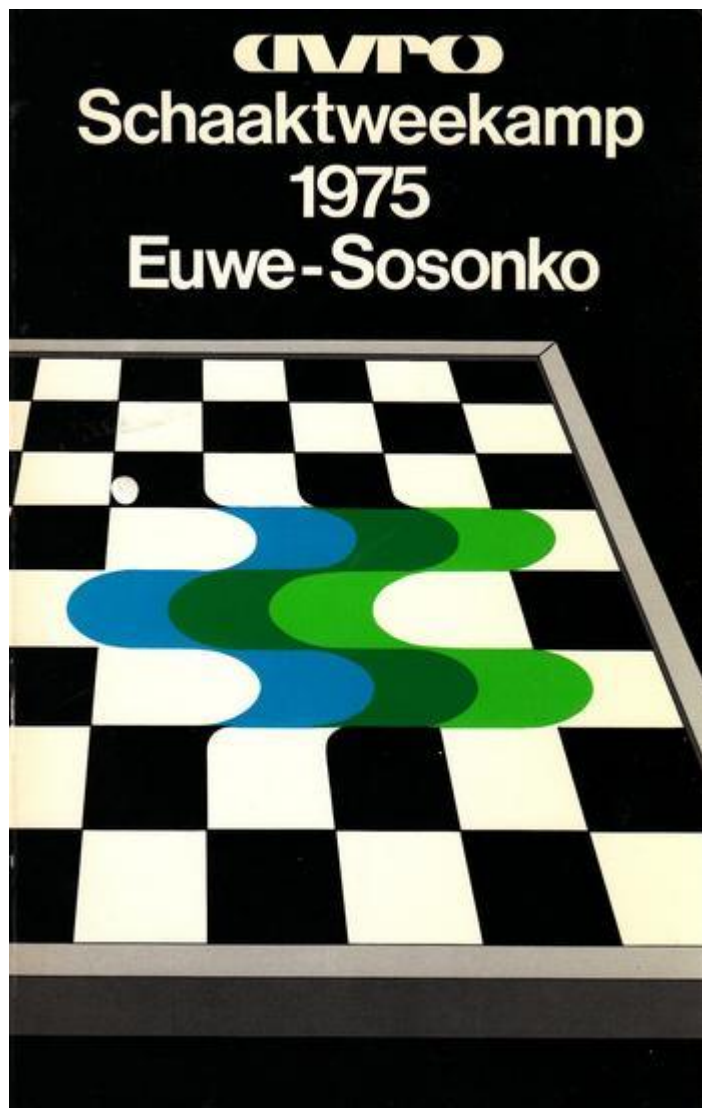
Мне посчастливилось близко знать чемпиона мира, а в 1975 году мы даже сыграли короткий матч в студии АВРО в Хилверсуме. Хотя Эйве было уже семьдесят четыре, играл он с полной концентрацией и сражался до конца. В первой партии я оказался на грани поражения и спасся чудом.

Во второй удалось с успехом применить важную новинку в варианте славянской, который неоднократно встречался в матчах Алехин - Эйве 1935-1937 годов.

На закрытии нам вручили памятные подарки. Стоящий на камине мраморный шахматный конь с инкрустацией EUWE-SOSONKO AVRO 1975 напоминает о том далеком времени. Под тем же названием вышла книга, сегодня являющаяся раритетом.

В мае 1981 года торжественно справили его восьмидесятилетний юбилей. Официальный прием состоялся в зале амстердамской гостиницы «Карлтон», где в 1938 году Алехин и Ботвинник договорились о проведении так и несостоявшегося матча на мировое первенство.

Эйве был еще очень энергичен и полон разнообразных планов. Осенью в Амстердаме должен был состояться турнир шахматных программ, и Эйве был занят его подготовкой. Играл он и в первенстве мира по переписке, собираясь стать чемпионом и в этой дисциплине. К сожалению, судьба распорядилась иначе.

У Эйве было три дочери: Каролин, Элс, Фитье.

С женой и взрослыми дочерьми.

Десять лет назад в столетний юбилей Эйве почтовое ведомство выпустило марку с изображением голландского чемпиона мира. Три дочери Эйве с пробными экземплярами в центре имени их отца в Амстердаме (2001). На фото со стены улыбаются Макс и Каро Эйве (к сожалению, фотограф не захватил лица полностью).

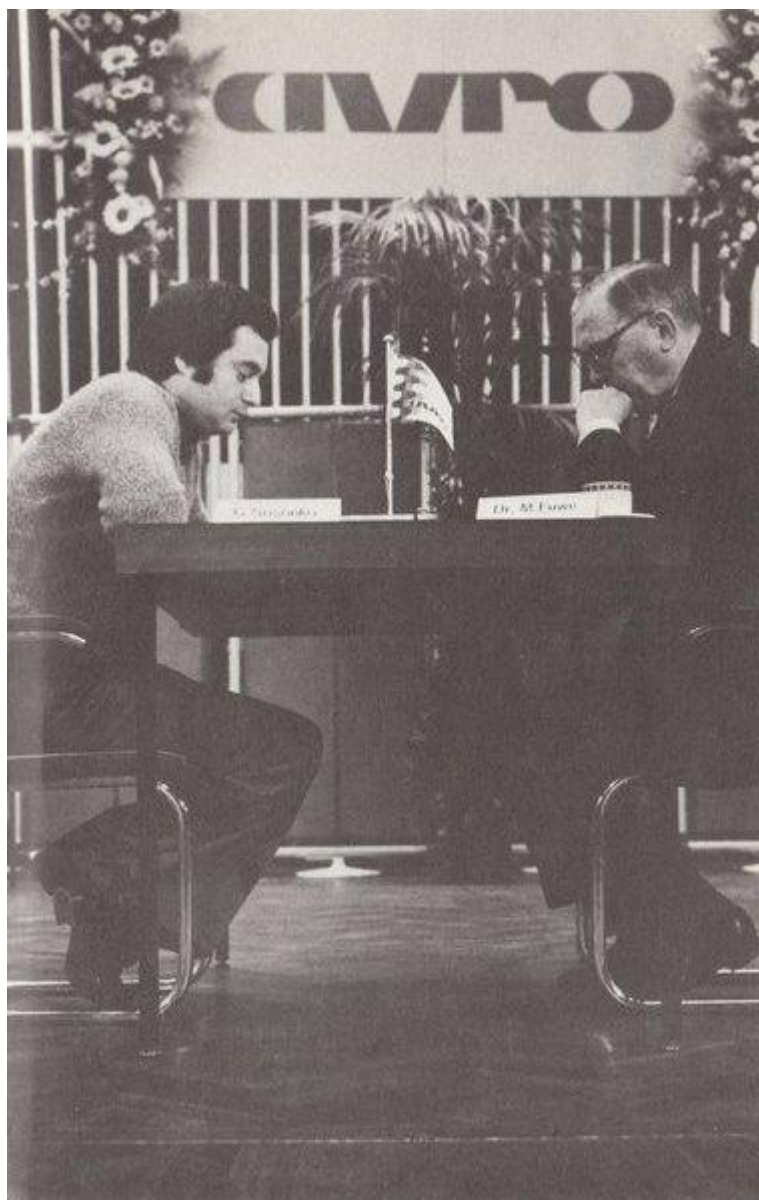
Элс Эйве на церемонии вручения перстня отца в Гронингене. После смерти Эйве перстень вручается за заслуги в деле развития шахмат в Голландии. Владелец перстня может носить его в течение пяти лет. С 2007 года эта честь принадлежит мне.

Большая шахматная доска в центре Амстердама. Площадь Макса Эйве. Туристы из всех стран мира, запинаясь и безбожно коверкая его имя, пытаются все же выговорить: Юе, Юве, Иуве. Но это не имеет значения: нет сомнения, что Макс Эйве откликнулся бы на любое, потому что одной из главных его черт было: умение встать на точку зрения оппонента и постараться понять ее.

Толерантность, которой всем нам так не хватает сегодня.

Лет пятнадцать назад разговорился после сеанса одновременной игры с одним из участников - журналистом роттердамской газеты. Роясь в предназначавшихся к уничтожению архивах, он обнаружил папку, на которой было написано: «Макс Эйве». Были ли бы мне интересны эти фотографии? Еще бы! Некоторые я вообще никогда не видел, на других рядом с Эйве обнаружил самого себя.

Мне посчастливилось не только играть с голландским чемпионом мира, но и часто беседовать. В последний раз это было за несколько месяцев до его смерти в 1981 году. Рискну представить запись этой беседы читателям сайта, тем более что такого Эйве непросто обнаружить ни в его статьях, ни в официальных интервью.

Речь шла не только о Ласкере, Капабланке и Алехине, но и о ФИДЕ, о профессионализме в шахматах, о контроле времени на обдумывание, даже о таблетках, могущих помочь шахматисту во время игры. Тем более, что сам Эйве однажды прибег к их помощи.

Думаю, что мнение обо всех этих проблемах чемпиона мира, многолетнего президента ФИДЕ, будет интересно и сегодня, даже если с момента нашего разговора прошло тридцать с лишним лет.

М.Э.: «Во время знаменитого турнира в Петербурге 1909 года мне было восемь лет. Я уже играл в шахматы и помню, как каждое утро с

нетерпением ждал газету с сообщениями о турнире. Помню и партию третьего тура, когда Рубинштейн выиграл у Ласкера.

Макс Эйве (справа) с братом

Что я могу сказать о Ласкере? Тактически он был необычайно изворотлив. Шпильман называл Ласкера супершвинделист. Но Ласкер был, конечно, и блистательный позиционный игрок, один из самых великих в истории шахмат.

Он всегда ставил очень высокие финансовые условия, что я, кстати говоря, совсем не считаю неправильным. Но из-за этого в 1924 году не состоялся мой матч с ним. Ласкер запросил за каждую партию 100 долларов, что было тогда очень большой суммой; собрать ее оказалось невозможно.

Я трижды играл с Ласкером и проиграл все три партии. Самое известное поражение - в Ноттингеме 1936 года.

Когда я сыграл **23...Ba5**, Ласкер записал ход на бланке, потом долго смотрел на позицию и поставил после хода вопросительный знак. Снова начал вглядываться в положение, покачал головой, вывел второй вопросительный знак, после чего сделал выигрывающий ход **24.b4...**

Можно ли сказать, что Ласкер в период 35-36 годов был все еще одним из сильнейших в мире? В каком-то смысле это, наверное, и правда, но с самыми сильными он не возражал уже против скорой ничьей. Сила шахматиста с возрастом уменьшается, это очевидно, хотя Бернштейну и Найдорфу в преклонном возрасте, когда выпадали хорошие дни, еще удавалось играть замечательные партии.

Что касается меня, я играю теперь слишком быстро. Раньше, если я быстро делал ход, в большинстве случаев это был хороший ход. Теперь же, если играю быстро, я делаю плохие ходы. Недостаточное знание дебютной теории тоже не идет на пользу дела. Я, правда, просматриваю собственные дебютные монографии для переизданий, и это несколько помогает...

* * *

В 1931 году я проиграл матч Капабланке: 4:6. Но Капе в том матче очень повезло. В пятой и восьмой партиях у него было очевидно проиграно, а в девятой, которую он выиграл в конце концов, у него была труба после дебюта.

Комментировал ли сам Капабланка результат этого матча? Нет, он не говорил об этом вообще. Он всегда вел себя так, будто стоит выше этой ерунды. Однажды в партии с Ейтсом Капа пожертвовал качество, получив за него две пешки. Незадолго до контроля он мог выиграть третью, но прошел мимо этой возможности. «Я разберусь с ним и так», - сказал он. На доигрывание Капа пришел в теннисном костюме, но Ейтс

оказал яростное сопротивление, и ему так и не удалось оказаться на корте в тот день.

Теорию он знал крайне слабо. Помню, как в паре с Лилиенталем я играл консультационную партию против Капабланки и Кмоха. Кмох рассказывал, что перед партией должен был прочесть Капабланке получасовую лекцию о современной теории.

Контроль времени был тогда 30 ходов на два часа, потом - двухчасовой перерыв; игру возобновляли с контролем 15 ходов в час. Во время паузы все перекусывали и анализировали. Но анализировать позицию после тридцати ходов труднее, чем после сорока. Кстати, я считаю, что откладывание партий и доигрывание на следующий день, что практикуется сегодня, должно быть отменено. Очевидно, роль секундантов в этом случае возрастает невероятно. (Понятно, что компьютеры тогда только-только начинали появляться и были крайне слабы. Г.С.)

Боюсь, понятие «секундант» в шахматы впервые ввел я в матче с Алехиным. В Гаване в 1921 году на матче Ласкера с Капабланкой никаких секундантов не было. Были официанты, подававшие бутерброды и прохладительные напитки. Не было секундантов и на матче Капабланки с Алехиным в 1927 году в Буэнос-Айресе.

** * **

В 1935-м моим секундантом на матче с Алехиным был Мароци, два года спустя – Файн. К сожалению, Файн должен был подвергнуться операции по поводу аппендицита, и я лишился его помощи. Трудно сказать, по этой ли причине растаял мой перевес в счете, или из-за того, что несколько партий я провел в бесшабашном стиле...»

Эйве был очень дружен с Гезой Мароци. В первом матче с Алехиным венгерский гроссмейстер был его секундантом.

И до этого разговора я несколько раз пытался завести с Эйве речь об Алехине, но Профессор, как я называл его, всякий раз старался переменить тему или давал односложные, малозначащие ответы. В 1977 году на закрытии турнира в Вейк-ан-Зее я очутился с Эйве за одним столом. Президент ФИДЕ только что вернулся из Москвы, где побывал на спектакле «Белые и черные», поставленным по книге Котова.

«Весь спектакль посмотреть не удалось, - рассказывал Эйве, - тем более, мой русский, как ты знаешь, уже не тот, что был когда-то, - здесь Профессор улыбнулся. - Но до перерыва я высидел и старался следить за событиями на сцене...»

Когда я начал расспрашивать, соответствовал ли герой спектакля человеку, с которым он сыграл больше партий, чем с кем-либо в жизни, Эйве неожиданно перешел на русский. «Малко, пажаста», - попросил он передать ему молоко для кофе и вместо ответа одарил меня долгим задумчивым взглядом.

М.Э: «Существуют две биографии об Алехине: Котова и Мюллера. О котовской биографии буду краток: это абсолютная фальсификация. Что же касается биографии Мюллера, то она более-менее соответствует действительности. Характер у Алехина был не сахар, но у нас были в

общем-то дружеские отношения. В 1926 году перед его матчем с Капабланкой мы сыграли тренировочный матч. Все это время он жил у меня дома в Амстердаме.

В 1933 году меня уже считали гроссмейстером, но я хотел оставить шахматы. Именно тогда я получил письмо от Алехина. Он предлагал сыграть матч из десяти партий на борту парохода, совершавшего круиз между Голландией и Индонезией.

Ганс Кмох стал уверять, что у меня есть шансы не только в дружеском состязании, но и в матче на первенство мира. Я согласился. Согласился и Алехин.

В начале 1935 года в Амстердаме был подписан контракт о матче на мировое первенство.

Были кризисные годы, и деньги собирались по крохам: требовалось 10 000 гульденов. Отдельные партии были проданы клубам в различных городах Голландии по 500 гульденов за партию. Представь, матч Карпов-Корчной был бы организован в Голландии. Одна партия в Гаарлеме, следующая в Гронингене, потом в Роттердаме и так далее. Шахматный мир объявил бы нас сумасшедшими, даже если бы между партиями и был выходной, как

в нашем матче. Но Алехин не издал даже звука: десять тысяч гульденов, а он получил всю сумму, были большими, очень большими деньгами.

В этом матче у Алехина были проблемы с организаторами. Помню, например, 29-ю партию. Согласно регламенту, после сорокового хода играющий белыми независимо от показания часов должен был записать ход. У Алехина была лишняя пешка в ладейном эндшпиле, но позиция носила очевидно ничейный характер. Он сделал сорок первый ход на доске, и судьи потребовали, чтобы ход считался открытым. Я предложил тогда, что сам запишу ход: я знал такого рода эндшпили очень хорошо и не видел для себя никаких трудностей.

Секундантом Алехина был Сало Ландау, не получавший за свое секунданство ни гроша. Для того чтобы пригласить гроссмейстера, надо было платить из собственного кармана, но Алехин никогда не любил этого делать».

Слева направо: Сало Ландау, Александр Алехин, Эмануил Ласкер, ?, за бриджем.
Рядом с Ласкером – Геза Мароци. Амстердам, 1935.

Хотя официальным секундантом Эйве на матче 1935 года был Мароци, Сало Флор тоже помогал ему в подготовке. Водный анализ: Макс Эйве, его отец. В центре Ганс Кмох. Второй справа – Сало Флор. Амстердам, 1935.

Партии матча игрались в различных городах Голландии. Амстердам, 1935. Исторический музей. Наблюдает за игрой Геза Мароци, стрелки капитана Якоба Хоохкамера и лейтенанта Питера ван Рейна.

Перед началом двенадцатой партии матча. Амстердам, 1935. Чемпион и претендент с женами. Наблюдают за вручением цветов и презентов Геза Мароци и Ганс Кмох.

Амстердам, 15 декабря 1935 года. Последняя партия матча Алехин-Эйве. Несмотря на ужасную погоду – дождь со снегом – толпа перед зданием «Беллеву» не уменьшается. Пришлось вызвать даже конную полицию.

Макс Эйве: «На тридцатую партию матча Алехин пришел в смокинге и вообще вел себя крайне спортивно».

Официальное закрытие матча Алехин-Эйве. Амстердам, 1935. Справа налево: новый чемпион мира с супругой, счастливые родители.

Макс Эйве с женой отправляются на торжественный ужин после закрытия матча. На машине буквы NL. Это аббревиатура: Нидерланды – официальное название Голландии.

Собственная машина появилась у Эйве только после войны: скромный учитель математики женского лицея не мог позволить себе такую роскошь. За победу в матче на мировое первенство Эйве не получил ни цента, а на совет Сало Флора – отдохнуть где-нибудь на французской Ривьере, отвечал: «Сало, у меня нет и гривенника, чтобы добраться до станции...»

После окончания последней партии и официального закрытия, в амстердамском «Карлтоне» происходило чествование Макса Эйве.

Когда новоявленный чемпион мира произнес тост за здоровье Алехина, Александр Александрович, подняв в свою очередь стакан с виски, заметил, что «Эйве мог бы начать это действие и пораньше...», чем вызвал веселое оживление присутствующих.

За столом: слева - Алехин с супругой, в правом верхнем углу виднеется чета Эйве.

После чего Алехин продолжал уже серьезно: «Герр доктор, поверьте, я говорю совершенно искренно: звание чемпиона мира по шахматам я вручаю вам от чистого сердца». И гроссмейстеры обменялись энергичным рукопожатием.

Победа! Преподаватель математики, чемпион мира по шахматам в окружении учениц.

Амстердам, декабрь 1935. В девичьем цветнике можно обнаружить и маму Яна Тиммана, окончившую этот лицей. Сейчас это обычная гимназия в пяти минутах ходьбы от моего дома.

Сохранился небольшой фильм об этом матче, его можно посмотреть в Центре Макса Эйве. И речь Эйве (он говорил по-немецки), и ответное выступление Алехина (по-французски), носили в высшей степени дружеский характер.

Проиграв матч в 35-м году, Алехин сказал: «Я одолжил Эйве титул чемпиона мира на два года».

Два года спустя. Амстердам, 1937. Эйве вручает Алехину венок чемпиона мира.

Гарри Каспаров, впрочем, полагает, что «если бы Эйве более ответственно отнесся к титулу, результат матч-реванша мог бы оказаться и иным».

Тот же упрек можно отнести к самому Каспарову: если бы он отнесся к титулу более ответственно, то включил бы в контракт матча с Владимиром Крамником (2000) пункт о проведении так никогда не состоявшегося матч-реванша.

Г.С.: «Я читал, что до войны Алехин всегда отзывался о Ласкере в превосходных степенях, а на банкете после цюрихского турнира 1934 года произнес полный благодарности и комплиментов тост в его честь. Вы ведь тоже играли в Цюрихе, вы помните выступление Алехина?»

М.Э.: «Нет, этого тоста не помню, хотя, быть может, я не очень внимательно отнесся тогда к спичу Алехина. Но я точно помню, как он сказал после победы над Ласкером: “Я снова поставил на место этих евреев...”»

Недавно племянница Алехина связалась со мной, попросив восстановить честь покойного дяди. Я встретился с ней. Эта женщина говорила, что дядя никому никогда не сделал ничего плохого, он просто был антисемитом...

Я заверил ее, что ФИДЕ ничего и не предпринимала против Алехина. Не нуждается в восстановлении чести тот, чье имя и без того в чести.

Как человек Алехин всегда был для меня загадкой. Он был сконцентрирован на своих шахматах и на самом себе до такой степени,

что в Голландии его в шутку именовали «Aljekhin- Alleen ik» [Игра слов: Алехин - Только я (голландский) - Г.С.]

Настоящих друзей при таком менталитете у него быть не могло, лишь почитатели и болельщики. В натуре его было что-то детское. Если рассматривать Алехина в этом свете, ему многое можно простить: за шахматной доской он был велик – вне шахмат походил на мальчишку, который проказничает и наивно полагает, что его никто не видит. Мы восхищаемся им как выдающимся шахматистом и поставили превосходный памятник на его могиле в Париже».

Монпарнасское кладбище в центре Парижа. Чтобы добраться до могилы Алехина, следует пройти метров сто по главной аллее, затем от центральной клумбы со скульптурой свернуть направо. Потом пройти еще метров сорок.

Г.С.: «Что вы можете сказать о ссоре Капабланки и Алехина? Ведь до матча 1927 года они были в прекрасных отношениях...»

М.Э.: «Капабланка не принимал всерьез этого матча. Каждый вечер он до поздней ночи играл в бридж. Это не могло не повлиять на его форму и сказилось на финише. В послематчевых интервью Капабланка продолжал говорить о себе как о сильнейшем в мире и отзывался пренебрежительно об Алехине. Остальное известно: очень скоро они стали писать друг

другу раздраженные письма, а потом вообще прекратили какое бы то ни было общение.

Когда в 1938 году думали сделать АВРО-турнир отборочным к первенству мира, Алехин был против. Во время перепалки между Файном и Решевским он воскликнул: «Но, господа, давайте не будем вести себя как Капабланка!» Разумеется, это замечание было рассчитано в первую очередь на Капабланку, находившегося в непосредственной близости от разговаривающих.

Капабланка, в свою очередь, хотел уверить дирекцию АВРО, что вместо проведения турнира лучше потратить деньги на его матч с Алехиным. Хотя Капабланка едва ли не до конца продолжал говорить о матч-реванше, полагаю после 1931 года он делал это скорее по инерции.

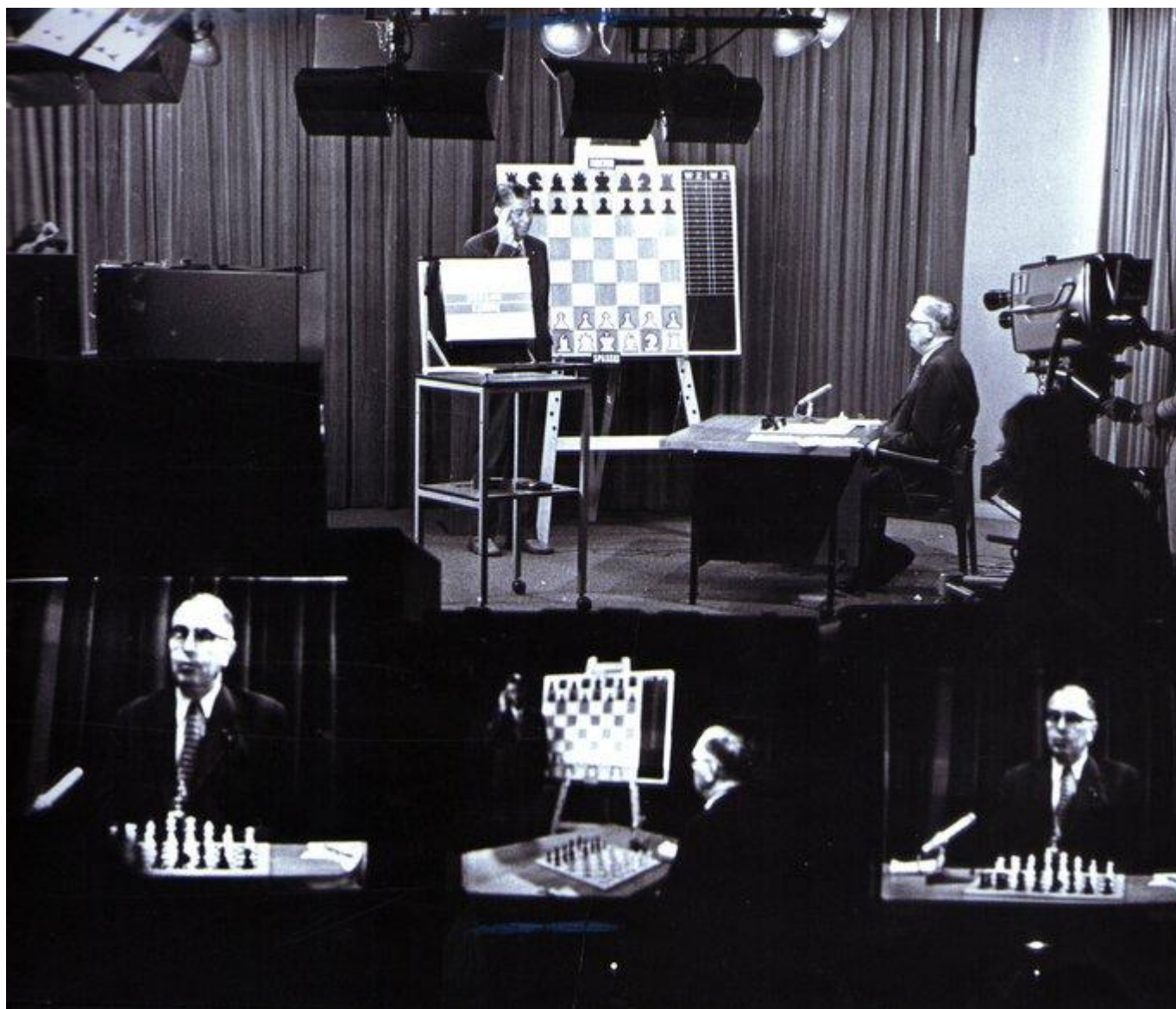
Мы выбрали тогда Флора первым кандидатом на матч с Алехиным, а Капабланку вторым. Но из этих матчей ничего не вышло. Флор занял в АВРО последнее место, а Капабланка не хотел платить золотыми долларами, как требовал Алехин.

Думаю ли я, что Алехин сыграл бы матч, если бы Капабланке удалось собрать сумму, на которой настаивал чемпион мира? Я не сомневаюсь в этом ни на минуту: Алехин был не из робкого десятка».

** * **

Г.С.: Вы стояли во главе ФИДЕ восемь лет. Как вы оцениваете свою работу в этом качестве?

М.Э.: «Уж не знаю, каким президентом ФИДЕ я был... Может, я и не совсем точно придерживался буквы закона перед матчем Фишера со Спасским, но я считал, что этот матч должен быть проведен во имя интересов всего шахматного мира.

Матч Спасский-Фишер (1972). Эйве в студии АВРО в Хилверсуме готовится к прямой трансляции из Исландии. Он курсировал тогда между Амстердамом и Рейкьявиком и, будучи в Голландии, никогда не отказывался от комментирования партий по телевидению.

М.Э.: Идея зональных и межзональных турниров принадлежат мне, как и правил матчей на первенство мира. Не хочу сказать, что я так уж горжусь этим, знаю, что у системы есть немало критиков, но надо было ведь с чего-то начинать.

Огромная заслуга в создании ФИДЕ принадлежит Рюэбу (Александр Рюэб 1882-1959 – гаагский адвокат, друг Эйве – Г.С.). Фактически, ФИДЕ существует только после Второй мировой войны, но именно Рюэб возглавил организацию, оформил ее юридически и четверть века стоял во главе ее».

* * *

Г.С. «Нико Кортлевер был на чемпионате мира 1948 года вашим секундантом. Он рассказывал, что во время турнира вы экспериментировали с какими-то таблетками. Есть ли правда в этом рассказе?»

М.Э. «Действительно, я пытался тогда принимать таблетки, которые, как думали доктора, должны были придать мне бóльший заряд энергии. Увы, желаемого эффекта это не принесло, и я оставил пилюли. Ты помнишь ведь мое выступление в том турнире...» (Эйве занял с разрывом в 4,5 очка последнее место Г.С.)

Провальное выступление Эйве определила партия со Смысловым из первого круга. Эту партию голландец вел очень энергично и добился положения близкого к выигрышному.

Критическая позиция в партии создавалась после 28 хода черных.

ЭЙВЕ - СМЫСЛОВ

Последний ход черных - **28...Na5**, к которому и Эйве, и Керес, тоже комментировавший эту партию, относятся неодобрительно.

29.Nxe5! Комментаторы полагают, что Смыслов просмотрел этот удар, и у белых теперь выиграно.

29...cxb3 30.Bb1 Qb7 31. Bd4 Kh7 32.Nf4 Bc4.

33.Nexg6! Керес к этому ходу ставит восклицательный знак, считая, впрочем, что и после 33.Qg4 у белых немалый плюс.

33...fxg6 34.Nxg6? Здесь комментаторы (и машина) единодушны – вторая жертва ошибочна и ведет к поражению. Необходимо было 34.Qg4 с преимуществом у белых.

После 40-го хода партия была отложена.

Сразу после откладывания Эйве был настроен чрезвычайно оптимистично (неверная оценка позиции или следствие «чудесных» пилюль?) Секундантам потребовалось немало труда, чтобы убедить мэтра в безнадежности положения белых. Действительно, догрывание продолжалось только два хода, и Эйве сдался.

М.Э. «Шахматным профессионалом я был фактически один год, сезон 1946-47. Федерация страны предоставила мне возможность еще раз

побороться за звание чемпиона мира. Они гарантировали 600 гульденов в месяц – средняя зарплата преподавателя в то время. Еще 75 гульденов я получал за редакторство журнала. Конечно, это было далеко не роскошно, но федерация не могла позволить себе большее в те годы. В целом это был очень тяжелый период в моей карьере...

Да, я еще давал сеансы. Конечно, если человек готовится к борьбе за первенство мира, лучше не давать изнурительные сеансы. Ян Тимман, например, соглашается далеко не на все сеансы и очень выборочно принимает приглашения на турниры. Между Тимманом и мной лежит расстояние ровно в полвека, и его положение значительно лучше: в Голландии сейчас много сильных шахматистов, к тому же шахматы стали значительно популярнее. Если у человека есть талант и - что еще важнее – трудолюбие, он может решиться сделать шахматы профессией. Но профессия эта очень тяжелая: теория выросла невероятно: современный профессионал должен обрабатывать огромное количество информации...

Я очень рад, что не стал профессионалом. Занятия математикой всегда доставляли мне больше удовольствия. Математика требует меньшей затраты нервов, но главное - творческое, созидательное начало в математике играет значительно бóльшую роль, чем в шахматах. Но именно факторы волнения, азарта, напряжения делают шахматы для многих столь привлекательными. В шахматах очень важна сильная нервная система, необходимы выдержка, умение держать себя в руках. Но это все важно и в покере, хотя в покере присутствует и элемент счастья. Впрочем, этот элемент нельзя исключать и в шахматной игре.

Раньше почти все профессионалы были бедняками. Грюнфельд, например, только с огромным трудом держался на плаву. Доход ему приносили, главным образом, две шахматные рубрики. По-моему, Грюнфельд был первым, кто завел картотеку дебютов. После его смерти картотеку выставили на продажу, запросив за нее 25 тысяч гульденов, но любителей не нашлось. Если мне не изменяет память, картотека состояла только из дебютов его собственного репертуара. Очень важной была картотека Альберта Беккера...»

Я видел эту картотеку в офисе ФИДЕ в Амстердаме. Собранный австрийским теоретиком, картотека представляла из себя листочки бумаги, исписанные всевозможными дебютными вариантами с маленькими вкраплениями собственных анализов. Подавляющее большинство их потеряло к тому времени всякую актуальность. Неудивительно: ничто не устаревает так быстро, как дебютные справочники и монографии.

М.Э. «В Голландии первым профессиональным шахматистом был Давидсон, но тогда на профессиональные занятия любым видом спорта смотрели совсем по-другому, чем сегодня. Давидсон постоянно испытывал огромные трудности как в материальном, так и в социальном

плане. Что значит в социальном? Когда человек говорил в обществе, что его профессия шахматы, на него смотрели подозрительно. Разве это занятие для настоящего джентльмена? Прилично ли делать благородное хобби средством для заработка..?»

Здесь обрываются записи моих разговоров с Максом Эйве. Добавлю, что Профессор скромно умолчал, что Жаку Давидсону регулярно помогал он сам, равно как и вдове друга юности бельгийца Эдгара Колле, умершего в 1932 году совсем молодым.

* * *

Уже в преклонном возрасте Эйве защищал цвета несуществующего сегодня роттердамского клуба «Фолмак». Однажды, играя с довольно слабым игроком, он уже в дебюте выиграл фигуру. Профессор посмотрел вопросительно на своего соперника, потом на часы. Никакой реакции, партнер продолжал играть, как ни в чем ни бывало.

Позиция носила закрытый характер, и партия затянулась.

Наконец любитель произнес: «Я думаю, положение проиграно».

Эйве невозмутимо кивнул головой.

«Вы должны признать, - продолжал его оппонент, - я превосходно держал оборону».

Эйве снова кивнул.

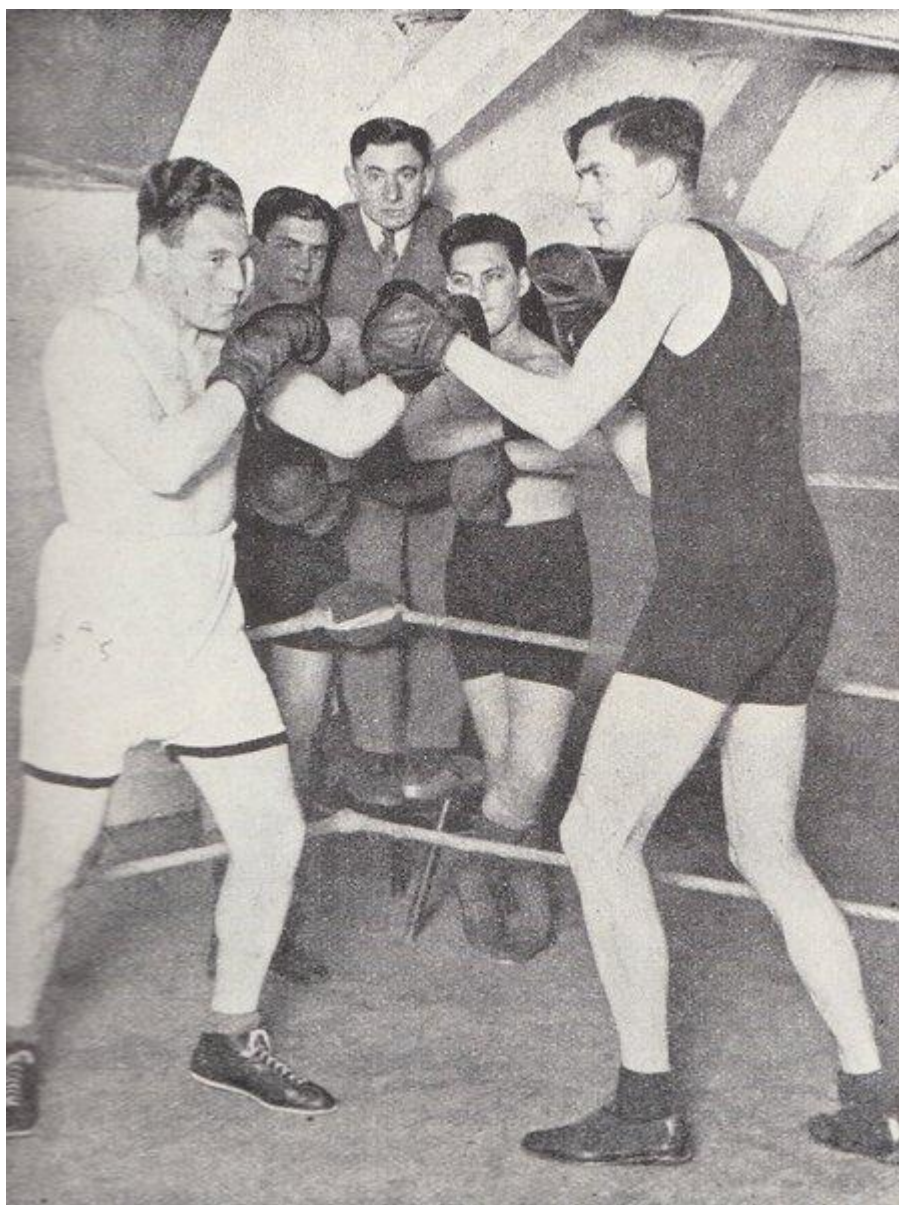
«Знаете, - развивал инициативу соперник, - если бы у вас не было лишней фигуры, вы вообще не выиграли бы...»

* * *

Не следует думать, однако, что Эйве был агнцем божьим, человеком без недостатков или страстей. Профессор тоже ссорился и даже имел врагов, совсем как простые смертные во все времена. В узком кругу Эйве мог позволить себе острые высказывания. После смерти одного шахматного функционера, нередко выступавшего против него, он заметил: «Противный был человечиска. Не будем скорбеть о нем».

О журналисте, который писал об Эйве небылицы: «Человек, который может очень немного и делает тоже чрезвычайно мало. Но он очень хорош в разнузданном поливе тех, кто по-настоящему делает много!»

О молодом шахматисте, высказывавшемся о нем критически и без уважения: «От таких невротов следует держаться подальше: они высасывают из тебя все, ничего не давая взамен. Они всегда чувствуют себя правыми и говорят, говорят, говорят без конца...»

Во время войны у Эйве произошел инцидент с немецким солдатом, решившим «реквизировать» велосипед Профессора. Попытка закончилась ничем. «Я посмотрел бы на него, если бы дело дошло до рукопашной, - вспоминал Эйве. – Я ведь одно время занимался боксом...» Амстердам 1934.

На несколько лет с ним прервал отношения Бент Ларсен, когда датчанину показалось, что президент ФИДЕ пошел на поводу Советов и включил его и Хюбнера в межзональный турнир в Ленинграде (1973). Другой межзональный - в Бразилии был много слабее, и в логике Ларсена, представлявшего тогда реальную грозу советским гроссмейстерам, был свой резон.

Не следует забывать, однако, что годы президенства Эйве пришлись не только на время «холодной войны», но и на период тотальной гегемонии советских шахмат. Президент ФИДЕ не мог не считаться с мнением самой сильной и влиятельной шахматной державы в мире. Но когда доходило до принципа, Эйве твердо стоял на своем.

Он не поддавался шантажу советских функционеров и не перенес Олимпиаду 1976 года из Израиля, на чем настаивали не только арабские, но и страны коммунистического блока во главе с Советским Союзом.

Да и его поведение во время выплеснувшегося далеко за пределы шахматной доски противостояния Спасского с Фишером, когда Эйве приложил все усилия, чтобы матч состоялся, никогда не было забыто. Что ж удивительного, что в Москве были недовольны президентом ФИДЕ и вели против него закулисную борьбу.

Документы из архивов ЦК КПСС с грифом «секретно», ставшие доступными только после распада страны, не только свидетельствуют об этом, но и показывают на каком уровне решались в Советском Союзе вопросы, связанные со спортом вообще и с шахматами в частности.

Ц К КП С С

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в дополнение к информации от 19 августа с.г. об участии советских спортсменов в шахматной олимпиаде, проводимой в Ливии в октябре-ноябре 1976 года и отказе Международной шахматной федерации (ФИДЕ) отменить шахматные олимпиады в Израиле, полагает необходимым сообщить, что в последние годы вообще сложилась ненормальная обстановка в ФИДЕ. Президент федерации М.Эйве систематически и довольно последовательно игнорирует многие предложения социалистических стран и осуществляет мероприятия, свидетельствующие о его проамериканской и просионистской ориентации, не стесняясь подчас принимать решения, ущемляющие законные интересы советских шахматистов. Особенно это проявилось в период подготовки матчей на звание чемпиона мира между американским гроссмейстером Р.Фишером и советскими шахматистами Б.Спасским и А.Карповым.

В 1974-1975 гг. несмотря на возражения шахматных федераций СССР, социалистических стран, а также ряда арабских стран, М.Эйве принял решение провести шахматные олимпиады в Израиле. Ошибочность этого решения в настоящее время очевидна всем (в Израиль собираются приехать только 30-35 делегаций, в то время как на предыдущих олимпиадах были шахматисты более 70 стран из 93, состоящих в ФИДЕ) однако М.Эйве упорно продолжает заявлять, что и в этом случае он не отменит олимпиады в Израиле.

Свидетельством односторонней ориентации М.Эйве является и его нежелание объективно разобраться в ситуации, сложившейся в связи с изменой Родине гроссмейстера Корчного. С первых же дней, как Корчной остался в Нидерландах, М.Эйве систематически выступает в защиту его прав на участие в матчах претендентов на звание чемпиона мира по шахматам в 1977 году, хотя в конфиденциальной беседе уже обращалось внимание М.Эйве, что ФИДЕ в соответствии с Уставом не должно вмешиваться во внутренние дела национальных федераций.

Неспособность М.Эйве управлять деятельностью ФИДЕ проявляется и при решении многих других вопросов. Видно сказывается и его преклонный возраст (75 лет).

В связи с этим Спорткомитет СССР полагает целесообразным совместно с другими социалистическими странами начать закрытые переговоры о подборе кандидатуры на пост президента ФИДЕ (может быть от Югославии) с тем, чтобы в конце 1976 г. - начале 1977 г. публично выступить с требованием отставки М.Эйве. В соответствии с

Уставом ФИДЕ, официальные переизборы президента должны состояться в 1978 году.

Председатель Комитета
по физической культуре и спорту при Совете
Министров СССР

С.П.Павлов

20 августа 1976 года

Секретно 72
Экз. № 1
300-4/7
ЦК КПС
55.ДЕК76 56481
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПС

В течение длительного времени между шахматистами СССР и Голландии поддерживаются контакты и осуществляется обмен спортсменами. Советские шахматисты, в том числе и ведущие гроссмейстеры ежегодно участвуют в нескольких традиционных международных турнирах в Голландии, а голландские шахматисты приглашаются на турниры в СССР.

Однако в последние годы Шахматный союз Нидерландов совершает действия, носящие недружественный характер по отношению к СССР и, в частности, оказывает поддержку шахматистам, эмигрировавшим из СССР и других социалистических стран.

Так, в Голландии обосновался бывший мастер спорта СССР Г. Сосонко, эмигрировавший сначала в Израиль, а затем переехавший на жительство в Голландию. Еще до получения гражданства этой страны Сосонко приглашался к участию в турнирах как ее представитель, а в 1975 году в явно пропагандистских целях был проведен его матч из двух партий с экс-чемпионом мира, президентом ФИДЕ М. Эйве. На турниры в Голландию систематически приглашаются А. Кушнир, эмигрировавшая из СССР в Израиль, бывший чехословацкий шахматист Л. Кавалек, проживающий ныне в США, и другие подобные лица.

Шахматный союз Голландии ныне оказывает покровительство В. Корчному. Голландскими властями Корчному отказано в статусе политического эмигранта (разрешено временное проживание в Голландии по "моральным и гуманным" мотивам), однако Шахматный союз Голландии взялся представлять его интересы в соревнованиях претендентов на первенство мира.

Учитывая, что все эти шаги носят политическую окраску, Спорткомитет СССР полагает целесообразным впредь сократить направление советских шахматистов на турниры в Голландию (кроме официальных чемпионатов), не направлять в эту страну ведущих гроссмейстеров и ограничить приглашения голландских шахматистов в СССР.

Просим согласия.

Председатель Комитета
по физической культуре и спорту при
Совете Министров СССР

[Signature]
С. П. Павлов

15 декабря 1976г.
#4058

Ни по вкладу в шахматы, ни по масштабу таланта, голландского чемпиона мира нельзя, конечно, сравнить ни со Смысловым, ни с Талем, тоже носившими корону очень короткой период.

Но в трудные времена прошлого века Макс Эйве достойно прожил долгую жизнь и заслуженно является гордостью маленькой страны у Северного моря.

